НЕ КОПИРОВАТЬ

М. Н. КАТКОВЪ.

О ДВОРЯНСТВѢ.

„Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ: всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и былобъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить.

(Фонъ-Визинъ).

„Они-то и были самыми ревностными и доблестными борцами за отечество и въ 1812 году, и во всѣхъ, во всѣхъ испытаніяхъ, ниспосылаемыхъ Россіи они то и двигали впередъ и мысль, и науку, и знаніе, и искусство, и литературу, въ исторіи коихъ найдется относительно немного именъ не дворянскихъ; они то всего болѣе содѣйствовали какъ освобожденію крестьянъ, такъ и упраздненію своихъ собственныхъ привилегій. Велика заслуга этого общественнаго класса передъ Россіей, и народъ этой заслуги не забываетъ и не забудетъ.

И. Аксаковъ.

Цѣна 40 коп.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905

М. Н. КАТКОВЪ.

О ДВОРЯНСТВѢ.

„Если бъ такъ должность исполнялъ, какъ объ ней твердятъ всякое состояніе люди осталось бы при своемъ любочестіи и былобъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить

(Фонъ-Визинъ).

„Они-то и были самыми ревностными и доблестными борцами за отечество и въ 1812 году, и во всѣхъ, во всѣхъ испытаніяхъ, ниспосылаемыхъ Россіи они то и двигали впередъ мысль, и науку, и знаніе, и искусство, и литературу, въ исторіи коихъ найдется относительно немного именъ не дворянскихъ, они то всего болѣе содѣйствовали какъ освобожденію крестьянъ, такъ и упраздненію своихъ собственныхъ привилегій. Велика заслуга этого общественнаго класса передъ Россіей, и народъ этой заслуги не забываетъ и не забудетъ.

И. Аксаковъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВ П.
3693.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
3776
94

Дозволено цензурою. Москва, 15 января 1905 года.

Вмѣсто предисловія.

Что же такое сословіе? Въ своей совокупности, это организмъ государственнаго народа Хотите вы имѣть дѣло съ Русскимъ народомъ, хотите узнать его, хотите услышать его, обратитесь къ нему въ его сословіяхъ. Онъ живетъ, мыслитъ и чувствуетъ въ своихъ сословіяхъ. Внѣ сословій, вы получите толпу неизвѣстно какого имени, какихъ свойствъ, какого духа. Вы получите смятеніе и хаосъ. Напрасно софисты выставляютъ сословія какъ стѣснительныя преграды жизни. Напротивъ, это органы народной жизни. Это не преграды, не тюрьмы, не касты, запирающія людей и разлагающія народъ. Сословія, это естественныя, исторически сложившіяся единенія, основанныя на разныхъ родахъ жизни и занятій. При правильной организаціи, при общей гражданской свободѣ, сословія не запираютъ людей, и не стѣсняютъ личности и предоставляютъ вольному волю. Образованіе уравниваетъ и сближаетъ людей всѣхъ сословій, но самихъ сословій не уничтожаетъ, какъ кровь циркулирующая въ тѣлѣ не уничтожаетъ, а напротивъ питаетъ его органы. Хотите вы прочныхъ, истинно полезныхъ, надежныхъ общественныхъ созиданій? Держитесь исторической почвы, опирайтесь на бытовыя условія жизни, ищите въ нихъ элементовъ и нормъ для вашихъ созиданій *).

---

*) 1885 г. № 110.

1.

Разумное преобразованіе есть улучшеніе существующаго; средство разумнаго преобразованія—устраненіе недостатковъ, обнаруживающихся въ существующемъ порядкѣ, и слѣдовательно сохраненіе въ немъ всего того, что удовлетворительно. Основой преобразованій долженъ быть существующій порядокъ. Самое слово *преобразованіе* показываетъ, что преобразованія не создаютъ чего-либо новаго, а даютъ существующему новый образъ. Все это аксіомы, сами собой разумѣющіяся; повидимому о нихъ не стоитъ и говорить, а между тѣмъ въ нихъ заключается объясненіе того очень часто встрѣчающагося явленія, что преобразованія оставляютъ по себѣ болѣе слѣдовъ на бумагѣ нежели въ дѣйствительности. Если при осуществленіи какого-нибудь преобразованія оказывается, что оно держится на поверхности и не пускаетъ корней, что оно не имѣетъ своимъ непосредственнымъ результатомъ очевиднаго улучшенія и оживленія той сферы, къ которой относится, навѣрное можно заключать о его несоотвѣтствіи или о его небрежномъ обращеніи съ тою средой, которая ему подлежала Наоборотъ, успѣшно идетъ только то преобразованіе, которое легко прививается къ существующему. Выражаясь точно, нельзя даже сказать, чтобы правильное преобразованіе только прививалось къ существующему, какъ нѣчто новое, хотя бы и со-

отвѣтствующее его натурѣ, Точнѣе будетъ сказать, что правильное преобразованіе должно быть естественнымъ развитіемъ существующаго, должно происходить изъ его собственныхъ нѣдръ. Только такое преобразованіе имѣетъ цѣну и цѣль. Не преобразованіе само по себѣ дорого; дорого преобразуемое. Преобразованіе само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, а если оно не ограничивается устраненіемъ лишь очевидныхъ недостатковъ существующаго, то въ немъ всегда заключается рискъ, что дѣйствительно существующее будетъ принесено въ жертву тому что еще не существуетъ и можетъ-быть существовать не будетъ. Такая жертва была бы положительнымъ ущербомъ, и рѣшаться на такую жертву значило бы не преобразовать, а разрушать, значило бы отказаться отъ цѣли преобразованія и потерять почву подъ своими ногами, значило бы обречь себя на дѣятельность или положительно вредную, или въ самомъ лучшемъ случаѣ совершенно безплодную. Вотъ почему правильныя преобразованія должны вырабатываться изъ условій живой дѣйствительности, а не изъ отвлеченныхъ теорій, и вотъ почему живая дѣйствительность такъ недовѣрчиво смотритъ на чуждыхъ ей преобразователей. Разумный консерватизмъ не можетъ дорожить всѣмъ существующимъ, но онъ крайне недовѣрчивъ къ проектамъ преобразованій, не составляющимъ очевидной необходимости и въ то же время касающимся того что въ дѣйствительности или безвредно, или даже полезно. Только на этомъ основаніи, а не вслѣдствіе нежеланія улучшеній, разумный консерватизмъ болѣе расположенъ къ частнымъ измѣненіямъ и исправленіямъ въ законодательствѣ чѣмъ къ общимъ статутамъ, обнимающимъ собой цѣлыя сферы общественной или государственной дѣятельности; частныя исправленія вызываются настоятельными требованіями жизни; общимъ статутамъ трудно

уберечься отъ такихъ нововведеній, настоятельность которыхъ можетъ быть болѣе или менѣе подлежать сомнѣнію.

Иногда впрочемъ оказывается неоспоримая надобность въ общихъ пересмотрахъ той или другой части законодательства. Такая надобность несомнѣнно вызвана теперь великою реформой совершившеюся въ Россіи. Многочисленность частныхъ исправленій законодательства, сдѣлавшихся очевидно необходимыми вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, а равно и очевидная потребность согласить эти частныя исправленія между собой естественно ведутъ къ составленію новыхъ уставовъ. Но именно въ виду этой законодательной потребности должны съ особенною силой сказаться въ обществѣ охранительные инстинкты. Чѣмъ живѣе общество, тѣмъ сильнѣе должны сказаться въ немъ эти инстинкты. Оно было бы косною массой, свидѣтельствующею о своей неспособности жить, еслибъ оно не заявило дѣйствительности своего существованія въ противоположность притязаніемъ теорій, всегда наклонныхъ смотрѣть на жизнь какъ на матеріалъ для своихъ вивисекцій. Въ этомъ состоитъ разумная борьба между дѣйствительностію и теоріей, между началами консервативнымъ и прогрессивнымъ, которыя могутъ дѣйствовать успѣшно только въ томъ случаѣ, если они равносильны. Теоріи должны имѣть вліяніе на дѣйствительность только тою своею стороной, которою онѣ естественно входятъ въ нее, или лучше—которою онѣ сами изъ нея исходятъ. Все другое должно быть отметаемо, потому что было бы безплодно. Чтобы прогрессъ былъ не призракомъ, а дѣйствительностію, надъ этимъ именно и трудится разумный консерватизмъ.

Нашъ русскій прогрессъ, со временъ Петра Великаго, потому такъ былъ шатокъ и безплоденъ, что

охранительныя силы общества были чрезмѣрно сдержаны внѣшнимъ политическимъ развитіемъ государства. Новизна слѣдовала за новизной, и все это приносилось извнѣ, а не вытекало одно изъ другаго, не опиралось одно на другое, не дорожило одно другимъ. Мы все начинали сызнова, какъ будто бы у насъ не было прошедшаго; совершивъ одно нововведеніе, мы сейчасъ же бросали его, и не воспользовавшись его результатами, спѣшили къ другому нововведенію, которое въ свою очередь теряло для насъ свою цѣну. Вотъ почему трудъ нашъ такъ походилъ на толченіе воды и почти не оставилъ по себѣ слѣдовъ, заслуживающихъ вниманія просвѣщенныхъ иностранцевъ. Вотъ почему Китай, Японію. Бухару или Хиву иностранцы изучаютъ съ интересомъ, а въ нашей цивилизаціи находятъ для себя очень мало интереснаго. Да и мы сами, когда наступаетъ трудная минута, ищемъ себѣ опоры не въ этой призрачной цивилизаціи, а въ тѣхъ основахъ, которыя завѣщаны намъ нашимъ прошедшимъ, такъ мало цѣнимымъ нами, пока надъ нами не разражается громъ.

Но какъ ни тверды эти основы, какъ ни надеженъ русскій солдатъ и вообще русскій простой человѣкъ, мы не можемъ довольствоваться этими силами въ нашей государственной жизни. Мы должны съ полнымъ сознаніемъ опираться на эти силы, но въ то же время дорожить и въ нашей цивилизаціи всѣмъ тѣмъ что представляетъ какіе-нибудь признаки прочности и органической жизни. Чѣмъ меньше у насъ учрежденій пустившихъ корни въ обществѣ, тѣмъ болѣе мы должны цѣнить эти учрежденія. Легкомысленно отказываться отъ того немногаго что пользуется у насъ уваженіемъ и сочувствіемъ вмѣсто того чтобы бережно охранять и совершенствовать это не многое; это значило бы лишать себя всѣхъ средствъ къ дѣйствительному прогрессу.

Приведемъ примѣръ изъ нашего уѣзднаго управленія, имѣя въ виду предстоящую реформу земскихъ учрежденій

Въ нашемъ уѣздномъ управленіи, безспорно, выдается, какъ сравнительно наиболѣе удачное учрежденіе должность уѣзднаго предводителя дворянства. На эту должность всегда бываютъ охотники изъ лучшихъ людей уѣзда. На нее смотритъ съ уваженіемъ губернское начальство; къ ней относится дружелюбно все уѣздное населеніе. Наконецъ, это единственная должность въ уѣздѣ, сохранившаяся до нѣкоторой степени въ чистотѣ отъ бюрократическаго характера и удержавшая за собой въ извѣстной мѣрѣ независимое положеніе, какъ по отношенію къ верху, такъ и по отношенію къ низу Нельзя отрицать, что сословный характеръ этой должности значительно вредилъ ей, но очень замѣчательно съ другой стороны, что несмотря на свой сословный характеръ уѣздный предводитель дворянства, еще при крѣпостномъ правѣ, былъ главнымъ и почти единственнымъ защитникомъ крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Къ этому избранному дворянами представителю дворянскаго сословія постоянно обращались крестьяне съ своими жалобами на помѣщиковъ и полагались на его судъ. Вотъ что значитъ извѣстная обстановка, вотъ какъ освобождаетъ она отъ односторонности и исключительности! Человѣкъ, поставленный во главѣ уѣзднаго общества, поставленный не всѣмъ этимъ обществомъ, а одною его частію, принималъ, въ силу своего положенія и вопреки своему сословному избранію, характеръ примирителя сословій и болѣе или менѣе безпристрастнаго доброжелателя всему уѣздному земству.

Мы должны дорожить всѣми этими добрыми чертами предводительской должности и содѣйствовать ихъ даль-

нѣйшему, болѣе полному, развитію, расширяя кругъ дѣятельности предводителей и придавая ей все болѣе и болѣе серіозный характеръ Мы должны воспользоваться для дальнѣйшихъ политическихъ цѣлей тою популярностью, которую уже пріобрѣло въ земствѣ званіе предводителя, и заботиться о томъ, чтобъ эта популярность получила еще болѣе прочное основаніе. Было бы непростительно, еслибы мы упустили изъ рукъ это учрежденіе и дали ему заглохнуть, искуственно вызывая къ жизни другія учрежденія, которыя оттѣснили бы собой должность уѣзднаго предводителя на дальній планъ и не воспользовались бы тою популярностью, которую эта должность пріобрѣла въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія.

Чтобы должнымъ образомъ воспользоваться дожностью уѣзднаго предводителя, надобно поддержать то, что въ ней есть несомнѣнно хорошаго,—ея первенствующее положеніе, ея независимость, ея безвозмездность (это главное), и тотъ почетъ, которымъ она окружена преимущественно вслѣдствіе своей безвозмездности. Преобразованіе должно коснуться только ея слабой стороны, — прежде всего ея сословнаго характера. Она была уже сама по себѣ въ значительной степени свободна отъ этого характера; улучшеніе должно очевидно состоять въ томъ, чтобъ окончательно освободить ее отъ него. Пусть человѣкъ, фактически стоящій во главѣ уѣзднаго земства, избирается не однимъ дворянскимъ сословіемъ, а цѣлымъ земствомъ. Пусть онъ и называется уѣзднымъ предводителемъ не дворянства, а земства. Дворянскіе интересы отъ этого не пострадаютъ; они напротивъ выиграютъ отъ того, что первенствующая дворянская должность сдѣлается первенствующею земскою дожностью. Какъ много выиграютъ отъ этого уѣзднаго учрежденія, кажется не нужно и

говорить Но чрезвычайно важно замѣтить, что въ общемъ политическомъ строѣ Россіи мы получимъ тогда элементъ, естественно развившійся изъ нашихъ учрежденій и представляющій собой земство съ самой лучшей, съ самой почтенной его стороны. Безвозмездныя должности не легко учреждаются Мы видимъ какъ жадно бросаются на жалованье даже палаты депутатовъ въ разныхъ государствахъ Европы. Мы видимъ также какой дурной и пагубный демагогическій духъ развивается въ этихъ палатахъ состоящихъ на жалованьѣ. Несчастна та страна, которая не можетъ найдти себѣ даже представителей не наемниковъ! Должность предводительская какъ бы предопредѣлена для того, чтобъ избавить насъ отъ этой бѣды. Она удержала за собой свой чисто-политическій безвозмездный характеръ, несмотря на всѣ усилія близорукихъ политикановъ, которые по нашимъ уѣздамъ хлопотали о томъ, какъ бы низвести эту должность на общій чиновническій уровень. Судьба, совершенно невзначай подарившая намъ эту должность, сберегла намъ ее въ неприкосновенности, чтобы теперь мы вполнѣ воспользовались ею.

Дабы уѣздный предводитель остался по прежнему первымъ лицомъ въ уѣздѣ, для этого необходимо, чтобъ онъ былъ предводителемъ не одного дворянства, а всего земства. Безъ этого условія предводители никакъ не могутъ предсѣдательствовать въ земскихъ учрежденіяхъ. Многіе предводители говорили намъ, что они откажутся отъ должности, если предводитель дворянства будетъ обязательнымъ предсѣдателемъ земскихъ учрежденій. Они полагаютъ, и совершенно справедливо, что положеніе ихъ въ такомъ случаѣ было бы фальшиво и не выносимо. Они предпочитаютъ остаться при дворянскихъ опекахъ и родословной книгѣ и передать все свое теперешнее значеніе предсѣдателямъ земскихъ учре-

жденій. Неужели такая абдикація желательна? Неужели не очевиденъ тотъ вредъ, который былъ бы причиненъ ею всему земству? Легкомысленно подкапываться подъ предводительскую должность значитъ вредить всему земству, значитъ, пренебрегать однимъ изъ важныхъ результатовъ новѣйшей исторіи русскаго государства *).

2.

Третьяго дня мы говорили объ уѣздныхъ предводителяхъ по отношенію къ вопросу о земскихъ учрежденіяхъ. Сегодня поговоримъ о дворянствѣ съ той же точки зрѣнія.

Проектъ устава земскихъ учрежденій, выработанный особою коммиссіей и имѣющій въ непродолжительномъ времени подвергнуться разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, заключаетъ въ себѣ рѣшеніе будущности русскаго дворянства. Онъ оставляетъ, повидимому, неприкосновеннымъ русское дворянство; онъ не касается его преимуществъ и привилегій; онъ не измѣняетъ и должностей замѣщаемыхъ по выбору дворянства; онъ удерживаетъ напримѣръ предводительскую должность и даже ставитъ ее во главѣ земскихъ учрежденій. Но, какъ мы замѣтили третьяго дня, предводители избираемые однимъ дворянствомъ и поставленные во главѣ собраній и коллегій, избранныхъ всѣми сословіями на основаніи демократическаго закона, находились бы въ самомъ затруднительномъ и фальшивомъ положеніи Точно также въ весьма затруднительное и только по имени почетное положеніе было бы поставлено и все дворянство, если бы прошелъ вполнѣ проектъ земскихъ учрежденій. Оно сохранило бы свою сословную организацію,

*) 1863 г. № 138.

но было бы фактически оттѣснено ото всѣхъ земскихъ дѣлъ. По имени оставаясь первенствующимъ сословіемъ, оно въ сущности утратило бы всякую жизнь, и дворянскія собранія, въ непродолжительномъ времени, непременно пришли бы въ забвеніе. Можно ли ожидать чего другаго, когда политическая дѣятельность дворянства, какъ сословія, ограничилась бы веденіемъ родословной книги да наблюденіемъ за дворянскими опеками? Итакъ, въ политическомъ смыслѣ у насъ вовсе не было бы дворянскаго сословія, хотя бы законъ и признавалъ его по прежнему за сословіе. Но и этого мало. Не только дворянство какъ сословіе было бы лишено всякаго участія въ общихъ дѣлахъ: оно было бы въ значительной степени лишено своего политическаго значенія и внѣ своей сословной организаціи, то-есть не только дворянское сословіе превратилось бы въ нуль, но нулемъ же или почти нулемъ сдѣлались бы и самые дворяне, замкнутые въ этой сословной организаціи, а это гораздо важнѣе; это-то единственно и возбуждаетъ серіозныя опасенія.

Что такое дворянство? Если взять дворянство какъ политическое сословіе, то-есть если взять ту часть дворянства, которая имѣетъ право участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, то это не что иное какъ соединеніе людей, которые отличаются отъ своихъ согражданъ извѣстными родовыми преданіями, извѣстною мѣрой землевладѣнія и образованія, наконецъ привычкой управлять, пріобрѣтенною на продолжительной наслѣдственной государственной службѣ. Таковы фактическія черты этого политическаго сословія. Всѣ эти черты дѣлаютъ людей, принадлежащихъ къ дворянству, особенно полезными членами политическаго общества, его естественными представителями и наилучшими исполнителями его дѣлъ. Но въ общемъ гражданскомъ быту этотъ классъ

людей сливается съ дворянствомъ, какъ однимъ изъ узаконенныхъ состояній, пользующихся опредѣленными преимуществами. Не всякій дворянинъ пользуется политическимъ правомъ участія въ дворянскихъ собраніяхъ, но нельзя участвовать въ нихъ не будучи дворяниномъ. Это послѣднее требованіе выдѣляетъ дворянъ изъ среды прочихъ земскихъ сословій и образуетъ изъ дворянъ, участвующихъ въ дворянскихъ собраніяхъ, особую группу имѣющую свои отдѣльные интересы и потому неспособную дѣйствовать именемъ земства и въ интересахъ земства. Дворянскимъ собраніямъ, какъ они теперь существуютъ, безспорно не могутъ быть поручены земскія дѣла, точно также какъ предводитель дворянства безспорно не можетъ быть удобнымъ и пріятнымъ для земства предсѣдателемъ земскихъ собраній. Все это такъ, — но желательно ли, чтобы люди, которые уже приносили несомнѣнную пользу въ предводительской должности, чтобъ эти люди изъ-за сохраненія сословнаго характера предводительской должности принуждены были довольствоваться ролью лишенною всякаго значенія? Можно ли тѣмъ паче желать, чтобы вся эта масса людей, сильныхъ преданіемъ, достаткомъ, образованностію, политическимъ смысломъ, масса людей, которые участвуютъ теперь въ дворянскихъ собраніяхъ, обречена была въ политическомъ отношеніи на безмятежное сидѣніе сложа руки, вдали отъ общественныхъ дѣлъ, и все это изъ-за того чтобы сохранилась замкнутость этого политическаго сословія, основанная на томъ, что доступъ въ него дается только дворянамъ? Фактически, уѣздныя дворянскія собранія заключаютъ въ себѣ всѣхъ или почти всѣхъ значительныхъ людей уѣзда. Прибавьте еще нѣсколько сочленовъ, и очень немногихъ сочленовъ, и всякій согласился бы, что нѣтъ возможности пріискать въ уѣздѣ еще другихъ людей способныхъ съ пользой

управлять его дѣлами. Въ иныхъ уѣздахъ не пришлось бы прибавить ни одного человѣка; всѣ люди, дѣйствительно способные къ уѣздной общественной службѣ, принадлежатъ къ дворянскому собранію. Что же можетъ побудить къ крутой перемѣнѣ, предлагаемой проектомъ земскихъ учрежденій и вводящей въ земскія собранія не чѣсколько человѣкъ новыхъ людей, а составляющей изъ новыхъ людей большинство въ этихъ собраніяхъ? Гдѣ искать побужденій къ этой крутой перемѣнѣ какъ не въ сословномъ характерѣ теперешнихъ дворянскихъ собраній? Только потому что не потомственный дворянинъ не можетъ вступить въ эти собранія, хотя бъ и былъ способенъ къ общественной службѣ, только по этому одному люди участвующіе въ этихъ собраніяхъ признаются ненадежными для завѣдыванія уѣздными дѣлами. Передъ нами стало-быть открыты два пути. Съ одной стороны все дѣло состоитъ въ томъ чтобы допустить въ дворянскія собранія нѣсколько человѣкъ и такимъ образомъ сдѣлать эти собранія изъ дворянскихъ земскими,—перемѣна, очевидно не значительная, никому и ничему не опасная. Съ другой стороны, если настаивать на сохраненіи отдѣльныхъ дворянскихъ собраній, то приходится отобрать у нихъ всѣ важныя дѣла и поручить эти дѣла совершенно новымъ земскимъ собраніямъ, — перемѣна громадная, совершенно измѣняющая политическій центръ тяжести въ странѣ. Надобно много разъ подумать прежде нежели рѣшиться на такую перемѣну, которая была бы скорѣе переворотомъ нежели преобразованіемъ. Особенно было бы нераціонально рѣшаться на эту коренную перемѣну изъ консервативныхъ побужденій, то-есть изъ желанія сохранить сословныя собранія дворянства, несмотря на очевидность того, что въ эти собранія, по введеніи земскихъ учрежденій, никто не сталь бы и ѣздить.

И вотъ именно потому что за дворянами сохраняется замкнутость ихъ собраній, именно поэтому, и только поэтому, люди радѣющіе объ общемъ благѣ и безпристрастной справедливости считаютъ нужнымъ устроить земскія собранія такъ чтобы дворяне исчезли въ этихъ собраніяхъ и политическое значеніе дворянъ было уничтожено. Люди этого взгляда думаютъ, что дѣйствуютъ консервативно, сохраняя за дворянствомъ сословную организацію. Но развѣ стоитъ сохранять форму не сохраняя содержанія? Развѣ пустая форма имѣетъ какую-нибудь цѣну? Развѣ самому дворянству пріятно сдѣлаться призракомъ? Не лучше ли позаботиться о сохраненіи сущности дѣла, не вѣрнѣе ли позаботиться о томъ, чтобы дворяне, освободившись отъ сословной замкнутости, могли остаться съ пользой для земства на томъ мѣстѣ, на которомъ ихъ поставила исторія? Исторія поставила этихъ людей во главѣ русскаго общества; много жертвъ принесъ русскій народъ, много лишеній претерпѣлъ онъ, чтобы въ средѣ его образовался классъ людей обезпеченныхъ въ своемъ положеніи и способныхъ заниматься не только своими частными, но и общественными дѣлами. Народы, не имѣющіе этого класса, неспособны къ политической жизни; они бываютъ безсильны даже отстаивать свою независимость, чему примѣромъ служатъ турецкіе Славяне, или по крайней мѣрѣ бываютъ безсильны прочно организоваться, чему примѣромъ служатъ Греки. Возможное ли дѣло чтобы Россія, купивъ тяжкою цѣной образованіе въ русскомъ народѣ высшаго класса, вдругъ отказалась отъ своего права пользоваться существованіемъ этого класса? Нѣтъ, это невозможно. Съ исторіей нельзя такъ обращаться. Но съ другой стороны Россія, очевидно, не можетъ пользоваться этимъ классомъ какъ слѣдуетъ, и законодательство никакъ не можетъ предоставить ему всѣ тѣ

дѣла, которыми управлять онъ способенъ, если сохранится за нимъ характеръ организованнаго сословія. Было бы вопіющею несправедливостью отдать дѣла земства въ руки одного сословія.

Итакъ, чего же долженъ желать въ этомъ вопросѣ разумный консерватизмъ? Чѣмъ долженъ онъ дорожить, дѣйствительнымъ ли политическимъ знаніемъ дворянъ, какъ высшаго класса, или ихъ сословною организаціей? Объ эти вещи не соединимы; надобно выбирать одну изъ двухъ. Что же выбрать?

Не подлежитъ сомнѣнію, что разумный консерватизмъ можетъ дорожить сущностью дѣла, а не скорлупой его, и что слѣдовательно онъ долженъ заботиться о сохраненіи политическаго положенія нашихъ землевладѣльцевъ, а не о сохраненіи той сословной организаціи, которая была временно дана нашимъ землевладѣльцамъ. Эта организація была умѣстна, когда дворяне представляли собою двадцать милліоновъ людей, совершенно безгласныхъ. Теперь эти безгласные люди получили голосъ, который долженъ быть слышенъ на ряду съ голосомъ дворянства, а потому теперь необходимо измѣнить, необходимо разомкнуть прежнюю сословную организацію дворянъ-землевладѣльцевъ. Эта организація оказывается не соотвѣтствующею новому порядку вещей, и вся сила преобразованія должна быть направлена сюда. Здѣсь только преобразованіе и умѣстно и необходимо нужно, но если оно должно совершиться съ уваженіемъ къ существующему, оно никакъ не должно касаться положенія дворянъ, какъ общественной группы, созданной историческою жизнію и составляющей одну изъ коренныхъ, дорогихъ силъ нашего отечества. Да избавитъ насъ Богъ отъ общественной нивеллировки! Это было бы уже не преобразованіе; это былъ бы по-

литическій переворотъ, крайне опасный для государства *).

3.

Противъ замѣчаній высказанныхъ нами о дворянствѣ и дворянскихъ предводителяхъ по поводу проекта земскихъ учрежденій можетъ быть сдѣлано возраженіе, которое мы желаемъ предупредить. Можно сказать, что земскія собранія и вообще земскія учрежденія установляются параллельно съ дворянскими, что послѣднія отдаютъ первымъ только извѣстную часть своихъ занятій, именно занятія собственно хозяйственныя, что эта передача рѣшительно необходима въ видахъ справедливости, но что всѣ тѣ права дворянскихъ собраній, которыя могли быть за ними оставлены безъ ущерба интересамъ земства, остаются неприкосновенными. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на земскія учрежденія какъ на учрежденія чисто-хозяйственныя, то никакъ нельзя упрекнуть проектъ устава земскихъ учрежденій въ несправедливости къ дворянству. Но въ томъ-то и вопросъ, будутъ ли земскія учрежденія имѣть чисто-хозяйственный характеръ? Не говоря уже о томъ, что земскимъ учрежденіямъ предоставлено важное право ходатайства о потребностяхъ и нуждахъ края, слѣдовательно дано право законодательной инициативы, не говоря уже объ этомъ правѣ, котораго никакъ нельзя не дать земскимъ собраніямъ, мы только попросимъ каждаго непредубѣжденнаго человѣка живо представить себѣ будущія земскія собранія, какъ они предначертаны въ проектѣ устава, и потомъ задать себѣ вопросъ, какую роль рядомъ съ ними могутъ играть собранія дворянства. Никто, ко-

*) 1863 г. № 140.

ночно, не станетъ утверждать, чтобъ эта роль была завидная. Этого мало: никто, вѣроятно, не поручится даже за то, что дворянскія собранія будутъ продолжать свое существованіе наряду съ собраніями земскими. Очевидная невозможность параллельнаго существованія земскихъ и дворянскихъ собраній самымъ наглядным образомъ доказываетъ, что земскія собранія не имѣютъ по проекту да и вообще не могутъ имѣть характера исключительно хозяйственнаго, и непремѣнно должны получить въ большей или меньшей степени значеніе политическихъ учрежденій. Хозяйственно-административный характеръ такъ смѣшивается тутъ съ характеромъ политическимъ, что отдѣлить одинъ отъ другаго невозможно, и какія бы мы ни прилагали старанія, все-таки впредь у насъ въ Россіи не дворянское, а земское представительство будетъ политическимъ представительствомъ. Впрочемъ, стоитъ ли и прилагать старанія, чтобы было иначе! Развѣ желательно, чтобы земство исключительно занималось хозяйственными дѣлами, а дворянство дѣлами политическими? Развѣ политическое представительство, по справедливости, можетъ быть предоставлено одному сословію? Развѣ политическое положеніе дворянства можетъ быть удовлетворительно, если оно будетъ противопоставлено цѣлому земству?

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что земскія учрежденія, по проекту, не могутъ быть признаны за учрежденія чисто-хозяйственныя, и что никакъ нельзя желать, чтобы проектированный кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій былъ стѣсненъ въ видахъ предоставленія политическаго права дворянскимъ собраніямъ. Стало-быть дѣло принимаетъ слѣдующій видъ: если проектъ земскихъ учрежденій будетъ принятъ какъ есть, то дворянскія собранія утратятъ все то значеніе, которое осталось бы за ними послѣ судебной и полицейской

реформъ; а съ другой стороны, невозможно желать измѣненія этого проекта въ такомъ смыслѣ, чтобы дворянскія и земскія собранія подѣлили между собой дѣла. Проектъ дѣйствуетъ совершенно правильно, перенося извѣстныя дѣла изъ дворянскихъ собраній въ земскія. Онъ не касается дворянскихъ собраній и оставляетъ ихъ въ сторонѣ, потому что ихъ дальнѣйшая судьба не входила въ рамку проекта. Но для того, чтобы судить о вліяніи проекта на общій политическій строй Россіи, мы непремѣнно должны имѣть въ виду, что земскими собраніями будутъ фактически упразднены собранія дворянства.

При этомъ вглядѣ на дѣло, прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ вліяніи, которое будутъ имѣть проектируемыя земскія собранія на существующія политическія права теперешнихъ дворянъ. Если за дворянами, которые имѣютъ теперь право участія въ дворянскихъ собраніяхъ, останется это право, но ихъ собранія потеряютъ всякое значеніе, то не уменьшится ли дѣйствительное значеніе существующаго права этихъ лицъ, не будетъ ли оно сохранено только по имени, а въ сущности не будетъ ли оно утрачено? Не понесутъ ли они извѣстной потери правъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ? Въ отвѣтѣ сомнѣваться нельзя. Тѣ лица, которыя теперь имѣютъ политическое право участія въ дворянскихъ съѣздахъ потерпятъ умаленіе своего политическаго права. Теперь многія изъ нихъ имѣютъ личное участіе въ собраніяхъ, которыхъ дѣятельность правда не велика, но которыя пользуются политическимъ значеніемъ, соотвѣтственнымъ существующему политическому порядку. По учрежденіи земскихъ собраній, къ которымъ отойдутъ отъ дворянскихъ собраній всѣ сколько-нибудь важныя дѣла, личное право участія въ дворянскихъ собраніяхъ потеряетъ цѣну, а личнаго права

участія въ земскихъ собраніяхъ проектъ вовсе не устанавливаетъ. Очевидно стало-быть, что многія лица дворянскаго сословія будутъ имѣть меньше политическихъ правъ чѣмъ до сихъ поръ. Еслибъ это требовалось справедливостію, то нечего было бы противъ этого возставать, и лица теряющія извѣстную долю своихъ политическихъ правъ должны были бы помириться съ судьбой. Но требуетъ ли такого лишенія справедливость? Когда рѣшался крестьянскій вопросъ, дѣло не могло обойтись для дворянъ безъ лишеній. Однимъ и тѣмъ же участкомъ земли два человѣка владѣть не могутъ, по крайней мѣрѣ не могутъ владѣть на одинаковомъ правѣ. Существующія гражданскія права должны были подвергнуться измѣненію, которое предписывалось справедливостью. Такъ всегда бываетъ въ дѣлахъ гражданскаго права. Но условія политическихъ правъ совсѣмъ другія. Это не права на извѣстную вещь или на извѣстное дѣйствіе другаго лица. Тутъ прогрессъ по большей части бываетъ совмѣстимъ съ уваженіемъ къ существующимъ правамъ; тутъ прогрессъ можетъ состоять въ распространеніи льготъ и, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не требуетъ, чтобы существующія льготы было отнимаемы у лицъ, которыя уже пользуются ими.

Въ странахъ, гдѣ уважаются существующія права, напримѣръ въ Англіи, всѣ политическія реформы касаются лишь правъ имѣющихъ возникнуть, а не правъ уже возникшихъ и существующихъ. Не такъ давно въ англійскомъ парламентѣ разсуждалось о томъ, что было бы полезно лишить избирательнаго права такъ-называемыхъ сорокашиллинговыхъ *фригольдеровъ*, то-есть владѣльцевъ недвижимой собственности, приносящей сорокъ шиллинговъ (около 12 р. 50 к. сер.) дохода. Существованіе этого права даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Богатые люди нарѣзываютъ изъ своихъ полей такъ-на-

зываемые сорокашиллинговые участки и раздаютъ эти участки въ долгъ, съ тѣмъ, чтобы должникъ подавалъ голосъ, какъ они велятъ ему. Этимъ злоупотребленіемъ было вызвано предложеніе отмѣнить законъ предоставляющій право голоса собственникамъ сорокашиллинговыхъ участковъ. Но предлагавшіе эту реформу тотчасъ же оговаривались, что законъ обратной силы имѣть не можетъ, и что тѣ фригольдеры, которые уже пользовались избирательнымъ правомъ, должны, разумѣется, сохранить его пожизненно. Если въ Англіи считается несправедливымъ отнимать право голоса у людей, не всегда хорошо пользующихся имъ, и притомъ у людей, которыхъ не много и которые не составляютъ замѣтнаго класса въ англійскомъ обществѣ, то во сколько разъ было бы несправедливѣе отнимать у многочисленныхъ членовъ всего первенствующаго сословія въ государствѣ то право, которымъ они дѣйствительно пользовались? До сихъ поръ наши дворяне участвовали въ собраніяхъ занимавшихся земскими дѣлами и имѣвшихъ важное право выборовъ; отнынѣ они участвовали бы въ дворянскихъ собраніяхъ лишенныхъ всякаго значенія. Если не для виду только, а дѣйствительно уважить существующія права, то всѣмъ дворянамъ, имѣющимъ теперь право участія въ дворянскихъ собраніяхъ, должно быть предоставлено пожизненное право участія въ собраніяхъ земскихъ. Признаніе за ними этого пожизненнаго права было бы относительно ихъ дѣломъ справедливости, а согласиться на это дѣло справедливости было бы тѣмъ легче, что оно совершенно одобряется политическимъ благоразуміемъ. Наше земство было до сихъ поръ устроено олигархически. Неужели можно надѣяться, что рѣзкій переходъ отъ олигархическаго порядка къ демократическому обошелся бы безъ дурныхъ послѣдствій? Политическое благоразуміе совѣтуетъ избѣгать подобныхъ

скачковъ. Въ настоящемъ случаѣ голосъ политическаго благоразумія совершенно совпадаетъ съ требованіемъ справедливаго уваженія къ существующимъ правамъ.

Повторимъ результаты сказаннаго. Мы показали, что земскія собранія будутъ имѣть не только чисто-хозяйственное, но и политическое значеніе, и что по силѣ вещей они непремѣнно станутъ на мѣстѣ теперешнихъ дворянскихъ собраній. Изъ того слѣдуетъ, что сохраненіе права участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ безъ права участвовать въ собраніяхъ земскихъ, было бы въ сущности политическою утратой, и что если существующія права теперешнихъ дворянъ должны быть уважены, то всѣ лица, пользующіяся теперь правомъ участія въ дворянскихъ собраніяхъ, должны сохранить за собой пожизненное право участія въ собраніяхъ земскихъ. Этого требуетъ уваженіе къ правамъ существующимъ; и этого же самаго требуетъ политическое благоразуміе, заставляющее желать, чтобы развитіе политическихъ учрежденій совершалось съ постепенностью обезпечивающею его успѣхъ.

Дурно ли, хорошо ли, но дворянскія собранія занимались у насъ дѣлами имѣющими политическій характеръ. Другихъ собраній съ подобнымъ кругомъ занятій у насъ не было. Если есть у насъ какая-нибудь политическая опытность, если есть какой-нибудь политическій духъ, то только въ собраніяхъ дворянства. Здравый смыслъ показываетъ, что ни къ чему другому кромѣ этихъ собраній не можетъ примкнуть наше дальнѣйшее политическое развитіе. Новыя собранія не должны быть совершеннымъ нововведеніемъ. Напротивъ надобно желать чтобъ они были лишь преобразованіемъ и усовершенствованіемъ дворянскихъ собраній.

Можно думать, что едва ли и возникла бы у насъ мысль о составленіи по уѣздамъ совершенно новыхъ

собраній, нисколько не примыкающихъ къ дворянскимъ собраніямъ и не составляющихъ дальнѣйшаго развитія и расширенія,—можно, говоримъ, думать, что и самая мысль о подобномъ нововведеніи не возникла бы у насъ, еслибы не навело на нее преобразованіе городскаго устройства въ обѣихъ столицахъ. Но уѣздныя учрежденія никакъ не могутъ идти въ параллель со столичными. Къ тому же реформа городскаго устройства въ Петербургѣ и Москвѣ, при всей своей радикальности, состояла въ ограниченіи прежняго безсмысленно-демократическаго порядка подачи голосовъ и въ присоединеніи къ городскому обществу элемента, правда новаго, но новаго только въ городскомъ обществѣ, а не въ политической жизни, — именно элемента дворянскаго. Поэтому, отъ успѣшности кореннаго преобразованія въ столичномъ городскомъ устройствѣ нельзя заключать къ успѣшности кореннаго преобразованія въ уѣздномъ устройствѣ, какъ оно предложено въ проектѣ. Тамъ коренная реформа состояла въ ограниченіи порядковъ черезчуръ демократическихъ. Здѣсь она состояла бы въ ихъ введеніи посредствомъ самаго рѣзкаго перехода изъ одной крайности въ другую.

Вообще мы поступили бы очень неосновательно, еслибы бросили устройство нашихъ дворянскихъ собраній какъ вещь совершенно негодную. Мы рѣшительно не имѣемъ права смотрѣть свысока на устройство этихъ собраній *).

4.

Всѣ говорятъ, что наша государственная жизнь выработала очень мало такихъ учрежденій, которыми можно

*) 1863 г. № 143.

было бы дорожить. Съ этимъ нельзя не согласиться, но съ другой стороны изъ этого же слѣдуетъ, что тѣмъ бережнѣе должны мы обращаться съ учрежденіями, заслуживающими сохраненія. Чѣмъ кто бѣднѣе, тѣмъ онъ долженъ быть бережливѣе, тѣмъ болѣе долженъ онъ дорожить тѣмъ, что имѣетъ, если не хочетъ въ конецъ раззориться. Мы бѣдны въ государственной жизни: вотъ побужденіе цѣнить наше небольшое политическое достояніе, а не выбрасывать его за бортъ. Впрочемъ все это относится къ учрежденіямъ, то-есть къ тѣмъ формамъ, по большей части случайнымъ, которыя придало у насъ законодательство существующимъ элементамъ государственной жизни. Жаль, если хорошія изъ этихъ формъ будутъ замѣнены новыми формами, которыхъ достоинство еще сомнительно. Но главное дѣло заключается все-таки не въ формахъ, а въ элементахъ государственной жизни. Если то, что есть хорошаго въ учрежденіяхъ, заслуживаетъ сохраненія, если разумное преобразованіе должно ограничиваться устраненіемъ того, что есть недостаточнаго въ учрежденіяхъ, и всячески остерегаться ненужной ломки, то относительно самыхъ элементовъ государственной жизни законодательство, еслибы и хотѣло предпринять ломку, оказалось бы безсильнымъ исполнить свое намѣреніе. Общественныя формаціи не создаются предписаніями закона; они дѣло исторіи, результатъ продолжительнаго и сложнаго историческаго развитія; ихъ нельзя передѣлать уставами. Онѣ останутся какъ были: потерпитъ только уставъ, не принявшій ихъ въ должное вниманіе; онъ будетъ мертвою буквой именно потому, что не воспользовался живыми элементами того общества, для котораго написанъ. Хорошія учрежденія, или то, что есть хорошаго въ учрежденіяхъ, надобно беречь изъ разчета, чтобы не тратить силъ на перестройку частей зданія, могу-

щихъ обойдтись безъ перестройки. А съ общественными формаціями надобно соображаться не только изъ разчета, но и по необходимости, потому что безъ соблюденія этого условія всякій законъ будетъ существовать только на бумагѣ, и жизнь возьметъ свое.

Едва ли при какомъ законодательномъ актѣ не скажемъ только послѣднихъ лѣтъ, а всего послѣдняго столѣтія, имѣлось въ виду развивать въ Россіи приказный порядокъ. Очень часто принимались даже мѣры, имѣвшія заявленною цѣлію противодѣйствовать распложенію этого порядка. Но почти всѣ эти мѣры остались на бумагѣ; онѣ не подѣйствовали на жизнь, не перешли въ дѣйствительность и служатъ свидѣтельствомъ лишь благихъ намѣреній законодателя. Почему это? Конечно потому, что принимая эти мѣры, законодательство слишкомъ полагалось на силу своихъ предписаній и не достаточно пользовалось тѣми дѣйствительными элементами русскаго общества, которые могли бы служить противовѣсіемъ приказному элементу. Какіе же это элементы? Пусть всякій переберетъ разные классы нашего общества и не только нашего, но и какого угодно общества; пусть онъ спроситъ себя, въ какомъ классѣ общества могутъ быть найдены элементы способные состязаться въ дѣлѣ управленія съ элементомъ бюрократическимъ, и онъ придетъ къ тому заключенію, что только землевладѣльческій классъ способенъ вести общественныя дѣла безъ чиновничьей опеки.

Какъ, закричатъ близорукіе поборники равенства, вы говорите за монополію, вы хотите отдать всю власть въ руки землевладѣльцевъ? Развѣ вы не знаете, что этимъ именемъ прикрываетъ себя теперь дворянство, эта каста алчущая привилегій и помышляющая только о томъ, какъ бы возстановить крѣпостное право? Все это, позволимъ себѣ сказать, фразы, однѣ фразы. Вред-

ная привилегія, которою пользовалось русское дворянство не вслѣдствіе какого-нибудь насильственнаго или коварнаго захвата, а вслѣдствіе государственной необходимости, привилегія, заключавшаяся въ крѣпостномъ правѣ и подъ конецъ всего болѣе вредившая самому дворянству, отмѣнена государственною властію, которая установила ее въ началѣ XVII вѣка. Думать о возстановленіи этой привилегіи можетъ только сумасшедшій; дворяне не потерявшіе разсудка, думаютъ совсѣмъ о другомъ; они думаютъ объ огражденіи своей собственности и своихъ правъ на законныя повинности, слѣдующія имъ съ крестьянъ, и вообще объ утвержденіи законнаго порядка въ исполненіи многочисленныхъ сдѣлокъ и договоровъ, которые составляютъ въ нашемъ сельскомъ быту явленіе совершенно новое, вызванное отмѣной крѣпостнаго права. Ничего другаго по отношенію къ крестьянамъ не желаютъ дворяне, не потерявшіе разсудка, да еслибъ и желали, то ничего другаго не могли бы получить. Итакъ о привилегіяхъ и монополіяхъ говорить нечего, а что дворяне желаютъ утвержденія законности, этому можно только радоваться. Одно изъ важнѣйшихъ политическихъ послѣдствій законодательства 19-го февраля въ томъ именно и состоитъ, что теперь дворяне принуждены желать законности, что они живо заинтересованы въ дѣлѣ законности и общественнаго благоустройства. Законодательство тѣмъ скорѣе можетъ воспользоваться этимъ настроеніемъ дворянства, что въ дѣйствительность этого настроенія нельзя не вѣрить: оно не причуда или мода, не уступка толкамъ о прогрессѣ, а слѣдствіе силы обстоятельствъ, дѣло кровной необходимости. Прежде помѣщикъ дѣйствовалъ произвольною властію; теперь, когда произвольная власть отнята у него, ему житья нѣтъ, если не соблюдается законность. Онъ сталъ обязательнымъ поборни-

комъ законности; онъ не можетъ быть равнодушенъ къ дѣлу законности, потому что въ этомъ случаѣ его равнодушіе было бы равнодушіемъ къ собственному интересу. Всякій безпристрастный и здравомыслящій человѣкъ долженъ согласиться, что отмѣна крѣпостнаго права не уменьшила, а увеличила способность нашихъ землевладѣльцевъ заниматься дѣлами управленія.

Итакъ ссылка на крѣпостничество теряетъ теперь свое жало. Бывшіе крѣпостники легко могутъ оказаться въ скоромъ будущемъ самыми полезными и самыми надежными членами общества въ политическомъ отношеніи. Остается вопросъ о равенствѣ, но это такой вопросъ, котораго съ политической точки зрѣнія почти стыдно касаться послѣ безчисленныхъ опытовъ вреднаго примѣненія этого начала въ политикѣ. Мѣсто равенства — въ гражданскомъ, а не въ государственномъ правѣ. Здѣсь, какъ показываетъ повсемѣстный опытъ, оно враждебно началу свободы. Не вдаваясь въ теоретическія разсужденія, мы обратимся къ здравому смыслу читателей. Для примѣра возьмемъ не крестьянъ, между которыми волостные писаря пользуются только безспорною властью; возьмемъ самый высшій классъ людей, не принадлежащихъ къ классу землевладѣльческому или помѣщичьему. Пусть каждый купецъ скажетъ, могутъ ли купцы завѣдывать общественными дѣлами, не подчиняясь вліянію канцелярій. Тутъ говоритъ не теорія, а практика самая осязательная. Приказный порядокъ господствуетъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ засѣдаютъ купцы. Выборные люди совершенно подчиняются секретарямъ, которымъ становится тѣмъ удобнѣе дѣйствовать, что они дѣйствуютъ за спиной присутствующихъ. Обвинять ли въ этомъ наше купечество? Прогрессисты, пожалуй, припишутъ все это невѣжественности нашего купечества. Но эти невѣжественные люди довольно хо-

рошо умѣютъ завѣдывать своими торговыми дѣлами, которыя труднѣе и сложнѣе большей части общественныхъ дѣлъ. Тутъ дѣло стало-быть не въ одной невѣжественности. Англійскіе горожане не уступаютъ въ образованіи англійскимъ помѣщикамъ, а между тѣмъ въ Англіи самоуправленіе идетъ успѣшно только въ графствахъ, гдѣ оно въ рукахъ помѣщиковъ. Англійскіе горожане, напротивъ, добровольно отказываются отъ права избирать городскихъ чиновниковъ и предоставляютъ это право коронѣ. Они люди практическіе и дорожатъ только тѣми правами, которыя приносятъ дѣйствительную пользу. Они сами просятъ, чтобы должности, избирательныя по закону, были замѣщаемы чиновниками по назначенію правительства и обязываются платить этимъ чиновникамъ хорошее жалованье, оставляя за собой только право контроля. Ту же самую неспособность торгующаго люда къ управленію публичными дѣлами мы видимъ вездѣ и во всѣ времена. Вездѣ онъ охотно сбываетъ эти дѣла изъ своихъ рукъ въ руки чиновниковъ, между тѣмъ какъ землевладѣльцы бываютъ обыкновенно свободны отъ такой наклонности. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изо всѣхъ нашихъ канцелярій всего менѣе самовластны канцеляріи мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ относительно нашего уѣзднаго и губернскаго самоуправленія? Никакіе законы и никакіе уставы не будутъ въ состояніи ослабить приказный порядокъ управленія и создать дѣйствительное самоуправленіе, если не воспользуются единственнымъ общественнымъ элементомъ, способнымъ взять управленіе въ свои руки и обойдтись безъ канцелярской опеки,— элементомъ землевладѣльческимъ. Это не привилегія, даруемая землевладѣльческому классу; это не вознагражденіе его за утраты, понесенныя имъ вслѣдствіе осво-

божденія крестьянъ; это обязанность на него возлагаемая, въ его собственномъ интересѣ и въ интересѣ всего земства. Тутъ нѣтъ ничего сословнаго; нѣтъ ничего и зависящаго отъ произвола законодателя. Тутъ вопросъ не о томъ, какой классъ слѣдуетъ наградить или возвысить, а о томъ, какую слѣдуетъ избрать систему мѣстнаго управленія. Возможны только двѣ дѣйствительныя системы мѣстнаго управленія, и какіе ни издавай уставы, одна изъ этихъ системъ непремѣнно всплываетъ наружу: или управленіе приказное, сосредоточенное въ канцеляріяхъ, или самоуправленіе посредствомъ землевладѣльцевъ. Третьей системы быть не можетъ, то есть не можетъ быть въ дѣйствительности, хотя на бумагѣ можно составить множество промежуточныхъ проектовъ.

Многіе опасаются, что передать мѣстное управленіе землевладѣльцамъ значитъ водворить деспотизмъ одного класса надъ другими. Боже сохрани отъ такого ужаса! Но этого нечего опасаться, если только сохранить за мѣстнымъ управленіемъ его настоящій характеръ. Становясь самоуправленіемъ, оно не должно и не можетъ становиться самовластіемъ. Оно должно строго ограничиваться исполнительною частію, то-есть примѣненіемъ законовъ. По примѣненію законовъ кругъ его дѣятельности можетъ быть обширенъ; оно можетъ завѣдывать и судебными и административными и полицейскими дѣлами, словомъ, можетъ завѣдывать всѣмъ, что входитъ въ сферу англійскаго мироваго суда или въ сферу понятія о puissance exécutrice des choses qui dépendent du droit civil, по Монтескье, но оно отнюдь не можетъ касаться дѣлъ, имѣющихъ законодательный характеръ. Предоставить дѣла этого рода одному изъ классовъ общества значило бы дѣйствительно водворить деспотизмъ этого класса. Но надобно имѣть въ виду, что

дѣла этого рода не могутъ быть предоставлены и всесословнымъ мѣстнымъ собраніямъ или учрежденіямъ, потому что это значило бы водворить деспотизмъ большинства, что было бы столько же нестерпимо.

Представимъ себѣ мѣстное собраніе, — все равно губернское ли или уѣздное, — составленное такъ, что всѣ классы населенія представлены въ немъ соразмѣрно своей численности и платимымъ имъ податямъ. Почему бы, кажется, не предоставить такому собранію того вліянія на раскладку земскихъ повинностей, которое предоставляется земскимъ собраніямъ по проекту устава земскихъ учрежденій? А между тѣмъ, если мы не ошибаемся, это было бы крайне опасно и повело бы къ безчисленнымъ жалобамъ и процессамъ. Въ подтвержденіе этихъ опасеній мы можемъ указать на офиціальную записку одного изъ нашихъ высшихъ сановниковъ, вызванную этимъ самымъ проектомъ и излагающую неудобства раскладки повинностей, производимой земскими учрежденіями не на основаніи точныхъ опредѣленій закона. Основанія раскладки дѣло законодательное, подлежащее рѣшенію центральной законодательной власти, а не рѣшенію какого бы то ни было мѣстнаго представительства, какъ бы равномѣрно оно ни было устроено. Мѣстное собраніе можетъ производить раскладку на точномъ основаніи закона; тутъ оно можетъ дѣйствовать совершенно удовлетворительно, но для этого не требуется, чтобъ оно равномѣрно представляло собой все мѣстное населеніе, а только требуется, чтобъ оно состояло изъ людей наиболѣе способныхъ и независимыхъ въ средѣ мѣстнаго населенія. То же самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ предметахъ, выходящихъ изъ области примѣненія закона и входящихъ въ область установленія закона. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ не можетъ быть предоставленъ рѣшенію

мѣстнаго представительства, какъ бы оно ни было устроено. При всякомъ подобномъ дѣлѣ рѣшеніе зависѣло бы отъ большинства, и тутъ совершенно все равно, простое ли это большинство или большинство двухъ третей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ оказалось бы меньшинство, несогласное съ рѣшеніемъ и находящее его противнымъ своему интересу. Въ центральномъ представительствѣ интересы меньшинства ограждаются серіозными обезпеченіями, положеніемъ центральнаго представительства въ виду всей страны, существованіемъ двухъ палатъ, верхней и нижней, наконецъ необходимостію согласія короны, какъ высшей представительницы справедливости и безпристрастія. Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ мѣстномъ представительствѣ, и потому-то съ государственнымъ благоустройствомъ несовмѣстимо предоставленіе мѣстному представительству дѣлъ, имѣющихъ хотя отчасти законодательный характеръ. Если же устранить дѣла этого рода отъ вліянія мѣстныхъ учрежденій, то исчезнетъ всякій поводъ настаивать на несбыточномъ въ политическомъ смыслѣ требованіи равенства всѣхъ сословій по управленію земскими дѣлами *).

5.

Въ эпоху преобразованій, все охватывающихъ и все измѣняющихъ, не худо иногда войдти въ себя и спросить, куда мы идемъ, что мы дѣлаемъ, что мы оставляемъ позади, что мы беремъ съ собою.

Мы оставляемъ позади государство единое, крѣпкое, несокрушимо-цѣлое, могущественное, слагавшееся долго,

*) 1863 г. № 162.

слагавшееся трудно, и носившее на себѣ знаменіе великой будущности того народа, который выстрадалъ его и положилъ на него столько жизни и силъ. Каковы бы ни были преобразованія, задуманныя нами, къ чему бы они ни клонились, что бы они намъ ни обѣщали, они должны быть совершены не въ какомъ-нибудь воздушномъ царствѣ, но въ Россіи, въ этомъ намъ всѣмъ извѣстномъ русскомъ государствѣ, гдѣ жили наши предки, гдѣ живемъ мы сами, — въ этомъ государствѣ такъ дорого купленномъ, въ этомъ государствѣ, такъ дорого стоющемъ, что всѣ эти милліоны людей его населяющіе, какъ въ былыя времена, такъ и теперь, — еще болѣе чѣмъ когда-либо прежде, — готовы стать за него какъ одинъ человѣкъ, отдать за него все достояніе и всю кровь свою. Когда весь народъ даетъ такую страшную цѣну этому великому организму, называемому Русскимъ государствомъ, когда все и самая жизнь, такъ легко, съ такимъ усердіемъ, съ такимъ энтузіазмомъ отдается каждымъ для сохраненія его въ невредимости и цѣлости, то не слѣдуетъ ли намъ прежде всего согласить всѣ наши мысли и планы съ этою первою, коренною, безспорною необходимостію, необходимостію сохранить для народа невредимымъ и цѣлымъ то что онъ купилъ такъ дорого, и за что онъ всѣмъ готовъ пожертвовать и все готовъ вытерпѣть? Мы всѣ хотимъ лучшаго (кто не хочетъ лучшаго?), но мы должны помнить, что лучшее должно быть лучшимъ не для чего-либо иного, а именно для этой великой единицы, называемой съ одной стороны Русскимъ народомъ, а съ другой Русскимъ государствомъ. Какъ бы ни были хороши наши планы, хороши они могутъ быть только въ томъ случаѣ, если будутъ удовлетворять требованіямъ этого политическаго организма, и будутъ способствовать его крѣпости и здоровью.

Итакъ, мы оставляемъ позади крѣпкій и могущественный государственный составъ, который прошелъ побѣдоносно чрезъ всѣ испытанія. Это мы оставляемъ позади. Это тотъ суровый, строгій, но могущественный и колоссальный образъ, который представляется намъ сразу какъ только мы оглянемся назадъ. Чтожь? Должны ли мы и въ самомъ дѣлѣ оставить позади эту силу, въ которой замкнулось все наше прошедшее? Или мы должны взять эту силу съ собою, въ тотъ новый путь, который намъ открылся, — бережно и свято сохранить все сильное въ этой силѣ, отбросивъ все негодное, вредное или опасное для нея, все утратившее жизнь и преданное неудержимому разложенію? Мы хотимъ измѣнить формы нашей жизни, измѣнить ихъ, разумѣется, къ лучшему, а не къ худшему; но измѣняя къ лучшему формы нашей жизни, не должны ли мы сохранить то существованіе, для котораго мы ищемъ новыхъ лучшихъ условій, — и сохраняя его, не должны ли мы сберечь всѣ условія его здоровья и крѣпости, — ибо кому же нужно хилое, безсильное существованіе, и къ чему послужили бы всѣ лучшія изобрѣтаемыя нами формы, если уничтожится сила для принятія и усвоенія ихъ? А если мы хотимъ сберечь его здоровье и крѣпость, то не должны ли мы обратить строжайшее вниманіе на производимыя нами новыя сочетанія элементовъ? То ли мы дѣлаемъ что хотимъ? Нѣтъ ли какой неточности въ тѣхъ понятіяхъ, которыми мы руководствуемся? Не смѣшиваемъ ли мы случайнаго съ существеннымъ? Не откидываемъ ли мы то въ чемъ заключается наша дѣйствительная сила, выросшая вѣками и долженствующая служить залогомъ нашей будущности? Не удерживаемъ ли мы напротивъ того что было и прежде элементомъ нашей слабости, и что при дальнѣйшемъ развитіи можетъ привести насъ къ конечному разстройству?

Въ Россіи прежней, оставшейся позади, мы видимъ крѣпкое единство двухъ самыхъ коренныхъ элементовъ народной и государственной жизни. Мы видимъ самое тѣсное, самое непосредственное единство между материкомъ, на которомъ все стоитъ и все держится,— крестьянствомъ,—и тѣмъ высшимъ классомъ народа,— землевладѣльческимъ дворянствомъ, въ которомъ заключалась главная дѣйствующая сила нашей государственной жизни. Вся крѣпость Русскаго государства держалась на этомъ единствѣ двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ. Двадцать слишкомъ милліоновъ людей находились въ непосредственной зависимости у дворянъ-землевладѣльцевъ, подъ ихъ непосредственнымъ управленіемъ, и составляли съ ними одно политическое и хозяйственное цѣлое. Это единство выражалось въ крѣпостномъ правѣ; эта земская крѣпость Русскаго государства была закрѣпощеніемъ крестьянства. Мы отдѣлались отъ крѣпостнаго права; оно осталось позади. Это условіе нашего государственнаго быта сдѣлало свое дѣло, и отжило свое время; долѣе существовать оно не могло, и день 19-го февраля 1861 года былъ великимъ днемъ обновленія Россіи. Милліоны получили свободу и начало гражданской полноправности. Русскій народъ, въ своихъ сельскихъ массахъ, сталъ наконецъ народомъ свободнымъ. Начатое продолжается, и по прошествіи не долгаго времени изгладятся, Богъ дастъ, всѣ слѣды крѣпостной неволи въ крестьянскомъ быту и всѣ дурные навыки крѣпостнаго права въ быту помѣщичьемъ; полная гражданская свобода войдетъ во всѣ части и подробности народнаго быта, подниметъ и оживитъ всѣ его силы.

Итакъ, крѣпостная неволя кончилась; крѣпостное право отмѣнено. Но съ тѣмъ вмѣстѣ не отмѣнена ли, пожалуй, и крѣпость нашего народнаго организма? Не

сочтетъ ли и ее кто-нибудь негоднымъ, отжившимъ свой вѣкъ условіемъ?

Крѣпость нашего народнаго организма, мы не хотимъ оставить позади; мы хотимъ удержать ее. Но чѣмъ замѣнимъ мы то единство двухъ коренныхъ земскихъ элементовъ, на которомъ онъ основывается? Какія новыя условія представляются намъ на видъ, для того чтобы наша государственная сила не только не была ослаблена, а напротивъ возрасла согласно съ новыми потребностями? Вмѣсто потраченнаго и разорваннаго единства, не возникаетъ ли между сельскими классами двойство? А если тутъ, въ нашемъ сельскомъ быту, возникнетъ рознь, колебаніе и борьба, то куда же перемѣстится центръ тяжести нашего государства? Объ этомъ стоитъ подумать.

Крестьянство, крѣпостное крестьянство, не было особою юридическою единицей: оно заступалось помѣщиками и составляло съ ними нераздѣльную единицу. Весь крестьянскій бытъ, всѣ интересы крестьянъ находились въ рукахъ помѣщиковъ. Теперь этого нѣтъ. Теперь крестьяне освобождены, и стоятъ на своихъ ногахъ. Въ какихъ же отношеніяхъ свободное крестьянство должно находиться къ землевладѣльческому дворянству, съ которымъ все-таки оно живетъ дворъ обо-дворъ, съ которымъ все-таки соединены всѣ его интересы, съ которымъ все-таки оно находится въ самой тѣсной связи? Въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти два главные элемента нашего земства, которые не могутъ оторваться другъ отъ друга еслибъ и захотѣли,—которыхъ благосостояніе, и порознь, и вмѣстѣ взятое, есть дѣло равно имъ общее? Желать ли чтобы въ эти отношенія проникла откуда нибудь рознь, чтобъ они запутались, или желать, напротивъ, чтобъ они установились возможно согласнѣе и чище? Стараго зем-

скаго единства быть не можетъ: крестьянинъ отнынѣ принадлежитъ не кому-либо другому, а самому себѣ. Итакъ, старое единство, въ которомъ исчезала личность и собственность крестьянина, невозможно; оно отошло навсегда, оно исчезло безвозвратно. Но вмѣсто стараго единства должно ли непремѣнно утвердиться раздвоеніе, должна ли установиться рознь, какъ начатокъ новаго будущаго, какъ характеристическая черта новой ожидающей насъ исторіи? Неужели нѣтъ другаго исхода? Неужели нельзя ожидать, что вмѣсто стараго единства возникнетъ что-нибудь другое, а не раздвоеніе, не рознь? Неужели нельзя ожидать, что нашъ земскій миръ, съ которымъ неразрывно связана крѣпость нашего государства, останется миромъ въ полномъ значеніи этого слова? Нѣтъ, вмѣсто одного единства можетъ и должно возникнуть другое, вмѣсто стараго брошеннаго единства можетъ и должно установиться новое, лучшее, во благо обѣихъ сторонъ и во благо великаго цѣлаго, въ которомъ обѣ стороны имѣютъ столь существенное, столь коренное значеніе.

Зловѣщія предсказанія не сбылись. Злоумышленныя попытки воспользоваться преобразованіемъ крестьянскаго быта, чтобы поколебать Русское государство, не удались. Ошибки, неизбѣжныя во всякомъ дѣлѣ, и односторонности канцелярскаго доктринерства не подсобили, слава Богу, этимъ злоумышленнымъ попыткамъ и не порадовали нашихъ враговъ. Все обошлось благополучно. Благодаря могучему здоровью русскаго народа, его великому здравому смыслу, это великое преобразованіе обошлось легко, безъ потрясеній, и, несмотря на всевозможныя дурныя вмѣшательства, которыя могли возмутить его ходъ, приняло самое лучшее направленіе. Исторія отдастъ справедливость тѣмъ правительственнымъ лицамъ, которыя, за послѣднее время, сумѣли

мало-по-малу, вопреки дурнымъ противоборствующимъ вліяніямъ, устранить изъ этого дѣла фальшивую примѣсь, и оказать пособіе внутренней врачующей силѣ жизни, подвергшейся перелому и испытанію. Извѣстія, получаемыя нами изнутри Россіи, особенно изъ ея черноземныхъ губерній, свидѣтельствуютъ о возрастающемъ сближеніи обоихъ элементовъ нашего сельскаго быта, крестьянъ и помѣщиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ не только не оказывается никакой вражды, но и никакой существенной розни. За исключеніемъ отдѣльныхъ столкновеній, происходящихъ тамъ и тутъ, мы видимъ вообще духъ соглашенія и сближенія. Благотворители изъ чужаго кармана, чиновники-прогрессисты, всякаго рода добродѣтельные демагоги и разные Кайи Гракхи, которыхъ расплодилось у насъ такое множество, притихли (болѣе всего пугнулъ эту сволочь высокій патріотическій духъ, которымъ мы обязаны польскому дѣлу: какова иронія! — того ли хотѣли Поляки?) Крестьяне гонятъ отъ себя этихъ благодѣтелей своихъ, и иному крестьянскому адвокату было бы не совсѣмъ безопасно показаться теперь въ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ еще такъ недавно, изъ любви къ человѣчеству и справедливости, натравливалъ крестьянъ на помѣщика. Между обѣими сторонами сами собою налаживаются дружелюбныя отношенія, обѣщающія установить единство между ними,— единство несокрушимое, потому что оно основано уже не на рабствѣ, но на взаимности интересовъ. Крестьяне попрежнему начинаютъ видѣть своихъ истинныхъ доброжелателей и представителей въ дворянахъ землевладѣльцахъ.

Такъ и должно быть,—и всѣ друзья русскаго народа не могутъ не порадоваться новому миру, который водворяется на нашихъ нивахъ. Будетъ здѣсь согласіе и

миръ, — пойдетъ и все согласно и мирно. Но тѣмъ осторожнѣе должны мы поступать въ дальнѣйшихъ нашихъ преобразованіяхъ, чтобы какъ-нибудь не нарушился этотъ ново-возникающій строй нашей народной и государственной жизни. Дальнѣйшія преобразованія должны имѣть пуще всего въ виду потребность прочнаго единенія между этими двумя коренными элементами нашего государственнаго благосостоянія. Мы должны съ полною ясностію представить себѣ эту потребность, и ничего не допускать что можетъ уклонить насъ въ противную сторону.

Теперь на очереди вопросъ о новомъ устройствѣ нашего земства. Предполагаются новыя учрежденія, въ которыхъ примутъ участіе всѣ элементы земства, сельскаго и городскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что эти учрежденія могутъ быть задуманы лишь съ тою цѣлію, чтобы сблизить и соединить земскіе элементы, а не разрознить ихъ и не подвергнуть колебанію нашъ земскій миръ. Согласно съ этою цѣлію, что же слѣдуетъ желать? Того ли, чтобы между крестьянствомъ и землевладѣльческимъ дворянствомъ прошла черта, которая навсегда раздѣлитъ ихъ и внесетъ въ нашу земскую жизнь элементъ сей чуждый и быть-можетъ враждебный? Объ этомъ стóитъ подумать. Слѣдуетъ ли желать, чтобы крестьянство отдѣлилось и стало особою корпораціей рядомъ съ корпораціей землевладѣльцевъ не крестьянъ, то есть *de facto* дворянъ-землевладѣльцевъ, и чтобы между ними стала еще третья (третье сословіе, здравствуй!)—корпорація городская? Какую бы тонкую черту ни провели мы между крестьянствомъ и дворянствомъ въ этомъ новомъ устройствѣ, несомнѣнно послѣдуетъ рознь, и измѣнится весь характеръ нашей земской жизни. Двойство будетъ расти, плодиться и выражаться во всевозможныхъ символахъ, и мы ежеминутно будемъ въ

опасности утратить самую почву, на которой должно совершаться наше государственное развитіе.

Нѣтъ, всѣ усилія наши должны быть направлены къ тому, чтобъ устранить всякій поводъ къ розни между двумя сословіями, предупредить всякій символъ, который можетъ разобщить ихъ. Нашими новыми учрежденіями должны мы оказать пособіе собственнымъ усиліямъ жизни къ возстановленію потрясеннаго единства. Что произошло бы, если бы мы, не уваживъ этой потребности и увлекшись сцѣпленіями чуждыхъ нашей жизни понятій, успѣли внести и упрочить какими-нибудь новыми учрежденіями рознь между коренными элементами нашего земскаго быта? Смѣло можно сказать, что не успѣло бы сойдти съ своего поприща нынѣ дѣйствующее поколѣніе какъ ему пришлось бы горько раскаяться въ своей непредусмотрительности. Здоровый инстинктъ народной жизни можетъ-быть побѣдилъ бы рознь, которую мы внесли бы въ нее новыи учрежденіями, и, какъ часто бывало, и жизнь быть-можетъ обошла бы ихъ проселкомъ, и въ концѣ концовъ взяла бы свое; но подобныя смуты, вносимыя въ народную жизнь, никогда не обходились безъ вредныхъ послѣдствій, а впредь, при новыхъ условіяхъ жизни, эти смуты будутъ становиться все глубже, все чувствительнѣе и опаснѣе.

Объ этомъ стóитъ подумать, — стóитъ озаботиться изысканіемъ способовъ, какъ бы устроить наше земство, не ослабляя его и не внося въ него элементовъ розни и смутъ. И чѣмъ проще мы посмотримъ на дѣло тѣмъ легче найдемъ мы этотъ желанный способъ устроить наше земство соотвѣтственно новымъ потребностямъ жизни и съ сохраненіемъ всѣхъ элементовъ ея здоровья и силы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сословная организація

крестьянства (всѣхъ наименованій) въ новомъ земскомъ устройствѣ можетъ повести только къ вреднымъ послѣдствіямъ, отъ которыхъ чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ избавиться. Она внесетъ рознь туда, гдѣ должно быть возможно полное согласіе и единеніе: она разомъ обезсилитъ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ наше землевладѣльческое дворянство, которое не даромъ же вырабатывалось всею нашею исторіей, и которое было главнымъ органомъ нашей государственной жизни. Она не только ослабитъ ихъ, она уничтожитъ все ихъ значеніе, или поставитъ ихъ въ фальшивое положеніе. Она разшатаетъ и разстроитъ все наше земство, и всего хуже отзовется на крестьянствѣ *).

6.

Въ Москвѣ всѣ заняты теперь совѣщаніями дворянскаго губернскаго съѣзда, обращающими на себя общее вниманіе какъ важностью обсуждаемыхъ предметовъ, такъ и оживленностью преній, и замѣчательными дарованіями, которыя въ нихъ обнаружились. По существующему положенію, совѣщанія на дворянскихъ съѣздахъ не могутъ быть предметомъ полной гласности въ печати. Вотъ почему наши отчеты объ этихъ преніяхъ не могутъ быть полны; вотъ почему также мы не считаемъ себя въ правѣ пускаться въ какія-либо сужденія о предметахъ и ходѣ совѣщаній нынѣшняго дворянскаго съѣзда. Тѣмъ не менѣе эти совѣщанія или по крайней мѣрѣ приготовленія къ нимъ успѣли, хотя и глухо, отозваться въ печати. Въ нашей журналистикѣ снова возникъ вопросъ о дворянствѣ, о его от-

*) 1863 г. № 205.

пошеніяхъ къ народу и т. д. Мы не хотимъ теперь вступать ни въ какую полемику, но считаемъ не лишнимъ сказать два-три слова по поводу этихъ толковъ.

О русскомъ народѣ мало сказать, что въ немъ преобладаютъ здоровые элементы. Онъ весь, въ цѣломъ своемъ составѣ, во всѣхъ своихъ классахъ, имѣющихъ значеніе въ народной жизни, отличается самымъ трезвымъ настроеніемъ. Патріотическій духъ, дающій государствамъ крѣпость, такъ силенъ въ русскомъ народѣ, что нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы превосходилъ его въ этомъ отношеніи; и что особенно важно, патріотическій духъ есть общая принадлежность всѣхъ классовъ русскаго народа, высшихъ и низшихъ. Есть страны, гдѣ крестьянство равнодушно къ вопросу о цѣлости и чести государства; есть много народовъ, въ которыхъ купеческое сословіе отличается меркатильнымъ и космополитическимъ характеромъ. Въ русскомъ народѣ всякій патріотическій вопросъ равно чувствуется и дворянствомъ, и крестьянствомъ, и торгующимъ классомъ; даже классъ фабричныхъ работниковъ, немногочисленный у насъ, поспоритъ со всѣми другими классами русскаго народа въ живомъ чувствѣ любви къ Царю и отечеству. Въ то же время русскій патріотизмъ есть чувство чистое; желаніе, имъ возбуждаемое, есть желаніе жертвовать и служить, а не желаніе властвовать и управлять. Это послѣднее желаніе такъ слабо въ русскомъ народѣ, что смотрящіе на русскій народъ со стороны и судящіе о немъ поверхностно, въ отсутствіи властолюбія видятъ политическую неспособность. Они забываютъ, что гдѣ есть готовность на жертвы, гдѣ есть способность приносить ихъ съ радостью и восторгомъ, тамъ не можетъ быть политическаго равнодушія, тамъ отсутствіе властолюбія и порождаемыхъ имъ политическихъ страстей не есть недостатокъ, а

напротивъ есть добродѣтель. Политическая жизнь течетъ успѣшно не тамъ, гдѣ политическіе интересы вызываются стремленіемъ къ власти, а тамъ гдѣ они основаны на чувствѣ обязанности, гдѣ политическія права стоятъ на второмъ планѣ, а политическія обязанности есть цѣль и причина, а право только средство и слѣдствіе. Только тамъ политическій интересъ соединяетъ людей, и только тамъ есть твердая почва для здоровой политической жизни, для наружнаго дѣйствія въ видахъ государственной пользы. Властолюбіе есть эгоизмъ и какъ всякій эгоизмъ порождаетъ рознь съ ея безсиліемъ къ плодотворной дѣятельности.

Русскій народъ, не зная политическаго властолюбія, совершенно чуждъ и политической зависти. Истинный русскій человѣкъ не завидуетъ своему согражданину выше его стоящему; онъ смотритъ съ уваженіемъ на всякое высокое положеніе; ему вовсе неизвѣстно ревнивое желаніе равенства. Никто такъ не ошибается насчетъ Россіи какъ тѣ, которые называютъ ее демократическою страной. Напротивъ, нѣтъ народа, въ которомъ демократическіе инстинкты были бы слабѣе чѣмъ въ народѣ русскомъ. Они проникли, и то лишь слабо, въ ту полу-чиновничью, полу-шляхетскую среду, которая примыкаетъ къ помѣстному дворянству какъ несвойственный ему придатокъ и отнюдь не пользуется симпатіями другихъ сословій. Весь *raison d'être* ея заключается въ ихъ неполноправности. Отмѣна крѣпостнаго права уже измѣнила общественное положеніе этой среды; возвышеніе другихъ сословій до гражданской полноправности и вообще правильное развитіе земской жизни поведетъ къ тому, что эта среда разложится на свои элементы.

Къ землевладѣльческому дворянству, къ дворянству состоятельному, въ русскомъ народѣ нѣтъ антипатіи,

и оно съ своей стороны не заслужило антипатическихъ чувствъ. Ему ставятъ въ укоръ крѣпостное право, его требуютъ къ отвѣту за то, что оно будто бы не препротестовало противъ крѣпостнаго права. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ обвиненій. Многія изъ лицъ дворянскаго сословія высказывались противъ крѣпостнаго права; высказывались даже офиціально, когда подобныя заявленія вѣкли къ послѣдствіямъ не совсѣмъ пріятнымъ. Огромное большинство помѣстнаго дворянства пользовалось крѣпостнымъ правомъ съ такою умѣренностью, что суровость права значительно смягчилась его примѣненіемъ. Люди мало знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи полагали, что освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости будетъ сопровождаться взрывомъ народной ненависти противъ угнетателей народа. Они были удивлены спокойною развязкой крѣпостныхъ отношеній и почти повсемѣстнымъ сохраненіемъ земскаго мира. Крестьянская реформа потребовала отъ помѣщиковъ огромныхъ жертвъ; въ крестьянахъ она должна была развить притязательность. Можно было ожидать что сама реформа породитъ тотъ антагонизмъ между сословіями, котораго не завѣщало даже крѣпостное право. И что же мы видимъ? Едва обнаружились признаки государственной опасности, какъ смолкли всѣ взаимные счеты и разомъ устранились возникавшія затрудненія. Теперь крестьянское дѣло можно считать окончательно улаженнымъ, и споры между помѣщиками и крестьянами ограничиваются почти исключительно разверстаніемъ угодій, то-есть такимъ дѣломъ, которое и при отсутствіи крѣпостнаго права не могло бы идти очень успѣшно. Развѣ полюбовное размежеваніе между помѣщиками шло успѣшнѣе? Развѣ государственные крестьяне или казаки охотнѣе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ соглашались на размежеваніе съ

помѣщиками? Размежеваніе и разверстаніе—одна изъ самыхъ трудныхъ государственныхъ задачъ. Громадные интересы связаны съ этою задачей; успѣхи сельскаго хозяйства не возможны безъ ея исполненія, но исполненія ся бываетъ повсюду сопряжено съ раздраженіемъ и жалобами На полюбовное соглашеніе тутъ нельзя много разчитывать; на него не разчитываютъ и большая часть иностранныхъ законодательствъ и потому допускаютъ размежеваніе принудительно. Только чрезвычайно удачнымъ ходомъ крестьянской реформы можно объяснить себѣ ожиданія, что разверстаніе угодій совершится у насъ незамѣтно и какъ бы само собой. Успѣхъ крестьянской реформы пріучилъ всѣхъ не придавать значенія и разверстанію угодій; мы какъ бы упустили изъ виду колоссальность этого дѣла и забыли, что такія великія дѣла не могутъ совершаться совсѣмъ безъ затрудненій. Но если взглянуть на это дѣло въ его дѣйствительномъ видѣ и оцѣнить его сообразно его дѣйствительному значенію, то нельзя будетъ не признать, что и оно идетъ успѣшнѣе чѣмъ можно было думать,—успѣшнѣе чѣмъ оно пошло бы въ любой другой странѣ. Одинъ блестящій ораторъ на нынѣшнемъ губернскомъ съѣздѣ московскаго дворянства говорилъ о благополучномъ исходѣ крестьянскаго вопроса какъ объ убѣдительномъ свидѣтельствѣ въ пользу политической доброкачественности русскаго дворянства. Онъ сказалъ, что освобожденіе крестьянъ нигдѣ не могло бы совершиться такъ мирно, какъ оно совершилось въ Россіи. Русское дворянство дѣйствительно имѣетъ полное право съ гордостью указывать на существованіе крестьянской реформы какъ на свой историческій подвигъ. Дѣло крестьянской реформы было ведено не бюрократическимъ порядкомъ. Монаршая воля предоставила разработку его дворянскимъ комитетамъ; редак-

ціонныя комиссіи, трудившіяся на основаніи этихъ работъ, состояли почти исключительно изъ помѣщиковъ; изъ помѣщиковъ были избраны мировые посредники, ближайшіе исполнители законоположеній 19-го февраля; наконецъ общій духъ помѣстнаго дворянства придалъ всему этому дѣлу тотъ мирный и справедливый характеръ, которымъ оно было въ цѣломъ такъ явственно и вмѣстѣ такъ неожиданно запечатлѣно. Крестьянская реформа не испортила отношеній между двумя повидимому противоположными сельскими сословіями, а напротивъ скрѣпила живую связь между ними: немногіе бывшіе доселѣ выборы по земскимъ учрежденіямъ успѣли уже показать какимъ довѣріемъ пользуется между крестьянами помѣстное дворянство.

Главное политическое значеніе крестьянской реформы состоитъ въ томъ, что она освободила помѣстное дворянство отъ того условія, которое отдѣляло его интересы отъ общихъ интересовъ народа. Отнынѣ помѣстное дворянство становится тѣмъ единственнымъ классомъ русскаго общества, котораго интересы сливаются съ интересами всѣхъ другихъ сословій и который не можетъ имѣть своихъ отдѣльныхъ интересовъ болѣе дорогихъ ему чѣмъ общіе государственные. Отнынѣ говорить о сословномъ этоизмѣ русскаго помѣстнаго дворянства можетъ только тотъ, кто вѣритъ въ возможность возстановленія крѣпостнаго права въ Россіи, то-есть кто дѣйствительной Россіи не знаетъ *).

7.

Дворянство не есть преграда между Престоломъ и народомъ; напротивъ, оно служитъ органическою между ними связью. Монархическое правленіе возможно и

*) 1865 г. № 8.

безъ дворянства, но тогда оно является грозною, напряженно правящею диктатурой, которая послѣ бурныхъ нестроеній наступаетъ какъ реакція противъ анархіи, какъ кризисъ болѣзни, но не бываетъ состояніемъ нормальнымъ. Напряженная административная централизація поражаетъ безплодіемъ народную жизнь, останавливаетъ свободное движеніе интересовъ, погашаетъ духъ живаго начинанія. Политическое фарисейство, мертвая формальность подавляющая въ людяхъ чувство внутренней отвѣтственности и общаго интереса, наемничество, продажность и подкупность,— вотъ всегдашніе спутники бюрократіи гдѣ она не уравновѣшивается мѣстнымъ самоуправленіемъ, а въ мѣстномъ самоуправленіи, какъ свидѣтельствуетъ примѣръ самыхъ свободныхъ и благоустроенныхъ странъ, главная сила есть дворянство. Только при существованіи общественныхъ классовъ соотвѣтствующихъ дворянству можетъ правильно и плодотворно развиться мѣстная жизнь.

И въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ главная роль принадлежитъ дворянству. Мысленно выньте изъ нихъ дворянство, съ его организаціей, съ его традиціоннымъ политическимъ смысломъ,—что останется? Мы должны однако сознаться, что мѣстныя учрежденія наши далеки отъ того чтобы можно было признать дѣятельность ихъ удовлетворительною. Отчего же это? Всего прежде оттого что дворянство, посреди глубоко измѣнившихся условій нашего быта, не легко могло найтись. Оно теряло подъ собою почву и не знало что съ нимъ будетъ и сомнѣвалось не подлежитъ ли оно упраздненію какъ учрежденіе отжившее свой вѣкъ. Въ унынiи, оно уже ожидало своего конца, не видя ничего въ замѣнъ своей организаціи. При такомъ ли настроеніи возможна бодрая дѣятельность? При такихъ ли обстоятельствахъ дворянская организація могла найти силы обновиться внутри

и послужить къ устроенію новой начинающейся въ странѣ жизни?

Но переходное время, неизбѣжное послѣ великихъ общественныхъ перемѣнъ, кончается; наступаетъ пора прочнаго устроенія въ которомъ все должно найти свое мѣсто и условія для правильнаго развитія.

Никакое дворянство въ мірѣ не подаетъ такъ мало поводовъ къ сословной зависти какъ наше. Оно не имѣетъ ничего общаго съ феодальнымъ дворянствомъ другихъ странъ. Оно произошло не изъ многовластія, и его собственная политическая исповѣдь вся выражена въ этомъ простомъ и вѣчно-юномъ словѣ древняго поэта: „Не добро многоглавіе, будь одинъ всѣмъ глава, одинъ Государь, кому Богомъ дарована власть". Оно не есть побѣжденный противникъ монархіи, напротивъ оно создано ею. Это ея добрые и вѣрные слуги. Оно не каста, оно не замкнуто, и доступъ въ него открытъ всякому по ступенямъ государственной службы. Крѣпостное право не было дѣломъ дворянства, и отнюдь не связано съ его существомъ. Крѣпостное право было государственною необходимостью слагавшейся Россіи; оно было наложено на помѣстное дворянство вмѣстѣ со службою. Но когда, по манію Державнаго Освободителя, цѣпи крѣпостнаго права пали, исчезло все чѣмъ дворянство отдѣлялось отъ народа, и оно выдвигается только какъ передовой рядъ его. Ничего ненавистнаго не остается въ дворянскомъ учрежденіи. Оно свободно отъ всякихъ для чего-либо стѣснительныхъ, для кого-либо обременительныхъ или обидныхъ преимуществъ. Дворянинъ предъ закономъ равенъ съ послѣднимъ изъ подданныхъ Имперіи, и если еще остается неравенство, то къ невыгодѣ перваго, ибо законъ гораздо суровѣе караетъ дворянина за преступныя дѣйствія безчестнаго свойства. Образованіе открываетъ для всѣхъ, наравнѣ съ дворя-

нином, доступъ къ государственной службѣ и къ общественнымъ отличіямъ. Наравнѣ со всѣми несетъ онъ тяжесть земскихъ повинностей; наконецъ, наравнѣ со всѣми онъ подлежитъ теперь рекрутству. За дворянствомъ остается только ни для кого не обидное, и для цѣлаго народнаго состава полезное преимущество его организаціи, которая приближаетъ его къ подножію Престола. Его права не столько права сколько обязанности налагаемыя на него честью его передоваго положенія. Дворянство такъ поставленное какъ теперь наше можетъ распространять свою дѣятельность во всѣ стороны, не опасаясь столкнуться съ какимъ бы то ни было уважительнымъ интересомъ или нарушить чьи бы то ни было права. Лишь бы оно дѣйствовало, — оно можетъ дѣйствовать только на общую пользу.

Вреда можно опасаться не отъ дѣятельности, а развѣ отъ недѣятельности дворянства, которая была бы свидѣтельствомъ его неспособности и мертвенности. Чѣмъ большую энергію обнаружитъ дворянская организація въ устроеніи нашего новаго быта, чѣмъ большимъ вліяніемъ и авторитетомъ въ мѣстныхъ дѣлахъ будутъ пользоваться ея уполномоченные представители, тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ интересовъ, тѣмъ надежнѣе и прочнѣе установится новый порядокъ созданный реформами. Практика убѣдительнѣе теоретическихъ соображеній покажетъ въ чемъ должны состоять улучшенія самой дворянской организаціи, и какъ лучше согласить ее съ потребностями новаго порядка для того, чтобы силы въ ней заключающіяся могли приносить наибольшую пользу*).

*) 1874 г. № 217.

8

Послѣ отмѣны крѣпостнаго права много было толковъ о нашемъ дворянствѣ. Одни находили, что дворянство подлежитъ упраздненію; другіе полагали, напротивъ, что оно должно быть усилено, что утраченное право должно быть возмѣщено другими, которыя возвратили бы помѣстному дворянству въ иной формѣ прежнее значеніе и вліяніе. И тѣ и другіе находили, что дворянство утратило почву подъ собой, и одни видѣли въ томъ успѣхъ, другіе—ущербъ и опасность. Въ то время когда обдумывались у насъ земскія учрежденія возникалъ вопросъ о томъ, не можетъ ли дворянская организація слиться съ новосоздаваемою земскою. Казалось возможнымъ ввести въ существующую дворянскую организацію новые элементы и дать ей земское значеніе. Мы было высказывались въ пользу такого соединенія, но предположеніе это не состоялось, и мы не знаемъ жалѣть ли объ этомъ? Дворянская организація осталась въ отдѣльности, рядомъ съ новообразованною земскою. Между ими, однако, установлена связь не лишенная значенія: предсѣдателями земскихъ собраній положено быть предводителямъ дворянства. Въ послѣднее время раздавались голоса требовавшіе, будто бы въ интересѣ земскихъ учрежденій, чтобы предсѣдателями земскихъ собраній были лица ими самими избираемыя, а не предводители дворянства. Мы не видимъ какое существенное неудобство для земскихъ собраній въ томъ, что предсѣдательство въ нихъ принадлежитъ дворянскимъ предводителямъ; но нельзя не видѣть значительнаго удобства въ томъ, что предсѣдатель земскаго собранія не зависитъ отъ его большинства и можетъ безпристрастно относиться ко всѣмъ его партіямъ.

Жалѣть ли о томъ, что дворянство перестало быть въ государствѣ тою громадною силой какою было оно при крѣпостномъ правѣ? Это право было, какъ свидѣтельствуетъ исторія, государственною необходимостію, чрезъ которую перешли всѣ народы; на немъ не могла остановиться исторія, и оно подлежало рано или поздно отмѣнѣ. Но исчерпывается ли этимъ правомъ все значеніе дворянства, какъ оно у насъ сложилось? Во владѣніи ли народными массами на правѣ частной собственности заключалось все призваніе дворянства? Въ этомъ ли его сущность, и теряется ли смыслъ его и всякая въ немъ надобность съ паденіемъ крѣпостнаго права? Конечно, нѣтъ. Эта историческая необходимость была ему навязана какъ временное назначеніе; его положеніе измѣнилось, но надобность въ немъ не миновала, и оно остается существенною функціей въ нашей народной жизни. Было бы во всякомъ случаѣ легкомысленно не принимать въ разчетъ силу которая проходитъ черезъ всю исторію нашего государства, и полагать, что можно отбросить ее безъ существеннаго ущерба для цѣлаго.

Чѣмъ менѣе осталось въ дворянской организаціи привилегій стѣснительныхъ для свободы другихъ сословій, тѣмъ вѣрнѣе и прочнѣе положеніе дворянства. Съ утратой внѣшняго могущества оно становится болѣе внутреннею стихіей въ народѣ. Сила которая отъ него отошла не была его существомъ, и освободившись отъ ней оно стало болѣе собою. Если попытаться покончить съ нимъ, то принципъ который оно представляетъ возвратится въ другомъ видѣ и оживетъ въ другомъ тѣлѣ.

Но зачѣмъ была бы нужна такая попытка? И почему сталъ бы кто-нибудь желать другаго тѣла для той идеи которую представляетъ наше дворянство? Дворянская организація, какою создала ее русская исторія и какъ оставили ее реформы послѣдняго двадцатилѣтія, не за-

ключаетъ въ себѣ ничего, что въ какомъ бы то ни было уважительномъ интересѣ могло бы казаться подлежащимъ упраздненію. Она не имѣетъ ничего общаго съ кастами и аристократическими классами другихъ странъ. Русское дворянство вынесло изо всей нашей исторіи характеръ чисто служилаго сословія, отнюдь не замкнутаго, а напротивъ открытаго для всѣхъ кто служитъ государству. Служба государству, изъ которой оно произошло и откуда непрерывно пополняется, опредѣляетъ его значеніе. Дворянское общество есть общество по преимуществу политическое. Въ этомъ государственномъ, въ этомъ служиломъ характерѣ дворянства заключается вся его особенность и его благородство. И пока оно остается вѣрнымъ этому своему характеру, пока живетъ въ немъ государственный духъ, оно стоитъ на высотѣ своего призванія Оно отзывается на все, что касается цѣлости, чести, сохранности государства, и на все, что способствуетъ его возвышенію, благоустройству и процвѣтанію Благо странѣ въ которой исторически выработалась такая общественная организація! Прежде дворянство было крѣпостнымъ слугою государству и само держало въ крѣпости у себя народныя массы. Теперь дворянство свободно. Государство уже не нуждается въ обязательной службѣ; но оно не можетъ не нуждаться въ свободной поддержкѣ организованнаго общества которое всею своею исторіей связано съ нимъ по духу и которое отъ него только беретъ свое значеніе и весь интересъ своего существованія. Говорятъ, дворянство должно быть элементомъ по преимуществу консервативнымъ въ государствѣ; но консервативность и либеральность плохіе термины для того, чтобъ опредѣлить характеръ историческихъ формацій. Эти отвлеченности, истертыя, тупыя, незрячія, ничего не разъясняютъ, а напротивъ сбиваютъ людей съ толку. Русское дворян-

ство не есть отвлеченная формула, ни консервативная, ни либеральная; оно живая принадлежность Русскаго народа, то сословіе его, которое находится въ тѣснѣйшей связи съ его государственною жизнью Въ дворянствѣ отпечатлѣлась вся исторія Русскаго государства отъ начала до сего дня, всѣ ея имена и всѣ преданія. Прежде всего и съ особенною силою отзывается въ русскомъ дворянствѣ то что полезно и что вредно Русскому государству. Каждое изъ прочихъ сословій составляющихъ народную организацію представляетъ собою какой-либо частный интересъ; дворянство же тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ своему призванію чѣмъ менѣе имѣетъ своего отдѣльнаго, чѣмъ менѣе представляетъ какой-либо частный интересъ. Отдѣльныя лица или отдѣльныя группы въ немъ могутъ руководиться какими угодно воззрѣніями и интересами, но оно само не можетъ представлять собою ничего иного какъ мѣстное выраженіе великаго цѣлаго. Вотъ почему функція дворянства не ограничивается только веденіемъ своихъ дѣлъ, которыя очень немногосложны и вовсе не требуютъ особой организаціи. Оно служитъ дѣятельнымъ органомъ мѣстнаго управленія и живою связью между государственною администраціей и общественными учрежденіями. Представляя собою дорогой принципъ самоличнаго участія и полнаго равенства въ пользованіи правами своего сословія, оно выбираетъ изъ своей среды дѣятелей которые не только вѣдаютъ его дѣла, но и призваны къ участію почти во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, — къ участію которое можетъ быть только полезно, къ дѣятельности направляющей, помогающей, контролирующей. Предводители дворянства несутъ на себѣ многія и тяжелыя обязанности, представляя собой съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ безмезднаго служенія общему дѣлу изъ одной чести. Эти органы

мѣстнаго управленія, выставляемые дворянствомъ, незамѣнимы. Мы привыкли смотрѣть по сторонамъ, судить о своихъ дѣлахъ съ чужой точки зрѣнія и прилаживать свои дѣла къ иноземнымъ, не имѣющимъ съ ними ничего общаго, и потому недостаточно цѣнимъ то, что выработала намъ своя исторія *).

9.

Насъ поучаютъ что сила не въ происхожденіи, въ чемъ де состоитъ дворянскій принципъ, а въ заслугахъ. Но дворянское достоинство въ Россіи отнюдь не есть привилегія происхожденія. Всякій имѣетъ неотъемлемое право пріобрѣсти дворянское достоинство путемъ государственной службы. Въ прежнюю пору первый офицерскій чинъ давалъ право на дворянство. Въ послѣдствіи условія повысились, но принципъ остается тотъ же. Слишкомъ низкія условія пріобрѣтенія дворянства уронили бы его; слишкомъ высокій и трудный подъемъ къ нему испортилъ бы его духъ и оторвалъ бы его отъ народа. Тутъ, какъ и вездѣ, требуется средній путь. Кромѣ широкаго пути въ общемъ порядкѣ государственной службы, остается въ силѣ и другой способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства, зависящій отъ изволенія верховной власти, не стѣсненнаго никакими условіями, но и не стѣсняющаго ни чьихъ правъ.

Другая существенная черта дворянскаго сословія состоитъ въ томъ, что всѣ его члены юридически совершенно равны между собой. Послѣ отмѣны крѣпостнаго права и въ силу послѣдовавшихъ преобразованій, за дворянами не осталось никакихъ преимуществъ сравни-

*) 1881 г. № 18.

тельно съ другими неподатными сословіями. Удержалось только право дворянскихъ выборовъ, но оно принадлежитъ не дворянамъ поголовно, а только землевладѣльцамъ изъ дворянъ. Благодаря этому праву, которое есть болѣе тягло чѣмъ выгода, помѣстное дворянство продолжаетъ и при новыхъ условіяхъ служить государству. Избираемыя помѣстнымъ дворянствомъ изъ своей среды лица служатъ однимъ изъ весьма существенныхъ и цѣнныхъ элементовъ мѣстнаго управленія Предводители дворянства несутъ много важныхъ обязанностей въ губернскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, несутъ безмездно и въ интересѣ всѣхъ сословій. Въ организаціи помѣстнаго дворянства нѣтъ ни высшаго, ни низшаго дворянства. Вчера имматрикулированный дворянинъ совершенно равенъ съ потомкомъ рода ведущаго свою генеалогію отъ Рюрика, мелкій захолустный помѣщикъ съ великосвѣтскимъ бариномъ и титулованнымъ обладателемъ громадныхъ имѣній. Всякая попытка внести рознь въ дворянскую организацію была бы равносильна попыткѣ разрушить ее.. Въ коронаціонныхъ церемоніалахъ встрѣчается выраженіе „знатное дворянство“. Мы не помнимъ употреблялось ли въ прежнюю пору это выраженіе при подобныхъ случаяхъ Если употреблялось то развѣ только для красоты слога. Въ настоящее же время, когда все подвергается вопросу и ко всему подкрадывается какая-нибудь тенденція, въ дворянской организаціи можетъ тревожно отозваться это выраженіе не имѣющее реальности, но подъ которымъ мнѣніе, подозрительно настроенное, готово видѣть затаенную затѣю. Что такое знатное дворянство? Потомки ли старинныхъ родовъ? Но это будетъ неправда. Много старинныхъ фамилій находятся въ захудаломъ состояніи и даже лишены права участія въ дворянскихъ выборахъ, а на вершинахъ, какъ общественныхъ такъ и государственныхъ, много лицъ

недавняго происхожденія, тѣмъ не менѣе претендующихъ на знатность. Титулованные ли роды отнести къ знатному дворянству? Но графскій или княжескій титулъ точно также не спасаетъ отъ захудалости какъ и происхожденіе отъ Рюрика, и рядомъ съ титулованными фамиліями и выше ихъ, какъ въ генеалогическимъ отношеніи такъ и по общественному положенію, стоятъ фамиліи нетитулованныя. Богатство ли, наконецъ, или хорошія манеры? Во всякомъ случаѣ, всѣ эти другіе признаки, порознь или вмѣстѣ взятые, могутъ давать преимущество въ обществѣ, но не въ государствѣ, — въ великосвѣтскихъ салонахъ, но не въ залѣ дворянскихъ выборовъ. Пока русское дворянство остается русскимъ дворянствомъ, неся свою историческую службу, въ немъ, повторимъ, нѣтъ ни знатнаго, ни незнатнаго дворянства. Права и честь дворянства принадлежатъ всѣмъ одинаково. Такъ-называемое высшее или soi-disant аристократическое общество не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ дворянствомъ какъ законною организаціей. Общество вольно принимать въ свою среду тѣхъ или другихъ лицъ, но выборныя отъ дворянства лица могутъ вовсе не имѣть тѣхъ признаковъ какіе въ данный моментъ опредѣляютъ принадлежность къ замкнутому кругу общества титулующаго себя аристократіей. Нельзя однако отрицать, чтобы въ этомъ самозванномъ аристократическомъ обществѣ никогда не было затѣи выдѣлить изъ дворянства политически организованную и замкнутую олигархію Такія олигархическія тенденціи враждебны не то что дворянству, но всему государственному строю. Съ этой стороны, разрушеніе дворянской организаціи было бы только первымъ шагомъ къ захвату государственной власти. Таковъ былъ планъ такъ-называемыхъ верховниковъ, пытавшихся вырвать конституцію у императрицы Анны Іоанновны. Верховники встрѣтили

энергическій отпоръ именно въ дворянствѣ, благодаря которому затѣя не удалась, принципъ самодержавія былъ спасенъ, а съ нимъ и судьбы Россіи. Можно представить себѣ, что было бы если мнѣнія такъ-называемаго аристократическаго общества не только путемъ интриги проникали бы въ дѣла, какъ теперь (отъ чего такъ и страдаютъ наши дѣла), но легально властвовали бы надъ ними, — куда угодили бы мы, и что сталось бы съ Россіей? *).

10.

21-го апрѣля празднуется столѣтняя годовщина государственнаго акта даровавшаго жизнь Россійскому Благородному Дворянству До жалованной грамоты 1785 г. были дворяне какъ тяглые люди приписанные къ государственной службѣ, но не было или почти не было организованнаго дворянства какъ высшаго въ народѣ сословія, признаннаго въ своей чести и утвержденнаго въ правахъ общественнаго служенія государству. Дворяне, не задолго предъ тѣмъ освобожденные отъ подневольнаго, можно сказать крѣпостнаго государственнаго тягла, въ силу жалованной грамоты Екатерины Великой, стяжали вмѣстѣ съ честью и гражданскую полноправность, свободу и неприкосновенность личности, а обязательная служба государству возложена на помѣстное дворянство какъ на сословіе стоящее во главѣ народа и съ нимъ неразрывно связанное. Дворянская полноправность потомъ разлилась въ народѣ и стала достояніемъ и другихъ сословій. Что было для дворянства 21 апрѣля, то для крестьянства 19 февраля.

*) 1883 г. № 167.

Грамотой дворянству былъ какъ бы предрѣшенъ и крестьянскій вопросъ. Дворянскою грамотой, освободившею дворянъ, уже полагалось начало и освобожденію крестьянъ. Находясь въ крѣпостной зависимости у крѣпостныхъ слугъ государства, крестьяне вмѣстѣ съ ними, подъ ихъ начальствомъ, тянули общее государственное тягло. Но по освобожденіи дворянъ, крестьянскія населенія стали ихъ принадлежностію уже на правѣ частной собственности, — аномалія которую не могло выносить государство, и она пала черезъ три четверти вѣка послѣ жалованной дворянству грамоты. Лично за дворяниномъ въ настоящее время, въ отличіе отъ лицъ другихъ сословій, не остается почти ничего кромѣ развѣ привилегіи болѣе тяжкой кары за дѣйствія противныя правиламъ чести. Слѣдуетъ ли думать что съ распространеніемъ гражданской полноправности въ народѣ дворянство упразднилось? Слѣдуетъ ли думать, что Русское дворянство кончаетъ свой вѣкъ, и что оно держится теперь только какъ superstitio, какъ суевѣрное преданіе отжившаго времени? Дѣйствительно, многое въ ходѣ реформъ послѣдовавшихъ за отмѣной крѣпостнаго права вело къ такому воззрѣнію на судьбы Русскаго дворянства. Дѣйствительно, можно было думать, что дворянство щадили только по памяти о его прежней службѣ, оставляя за нимъ до времени нѣкоторое положеніе среди новыхъ, одно за другимъ возникавшихъ, учрежденій. Ретивые прогрессисты со дня на день ожидали новыхъ узаконеній чтобы совсѣмъ покончить съ нимъ... Напрасно; сила Русскаго дворянства живуча какъ сама Россія, какъ ея народъ, какъ ея государственный строй; ослабленіе дворянства въ этомъ строѣ ослабляетъ и его и, какъ мы къ несчастію испытали, сопровождается горькими послѣдствіями... Наша повадка, признакъ заимствованнаго образованія,

прилагать ко всему своему мѣрку чужихъ понятій, причиняетъ тѣ несчастныя qui pro quo въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, даже закопахъ, которыя всегда дорого обходятся намъ. Эта повадка препятствуетъ намъ выйти на широкій путь правильной и плодотворной, намъ свойственной, гражданственности. Русское дворянство не имѣетъ ничего общаго съ феодальною знатью другихъ странъ; оно есть самородное созданіе русской исторіи и должно быть понимаемо въ смыслѣ своей исторіи, а не въ томъ, который вносится въ него какъ друзьями такъ и врагами, по фальшивой аналогіи, изъ французской или нѣмецкой исторіи.

Первоначально дворяне были только частію того что теперь вообще называется дворянствомъ. Дворянами именовалась только часть „служилаго“ сословія, къ которому равно принадлежали служилые люди и другихъ именованій. Боярскія дѣти напримѣръ были то же что и дворяне и лишь къ концу Московскаго государства именованіе дворянина болѣе обобщилось, такъ что Петръ всѣхъ желавшихъ остаться въ служиломъ сословіи и нести государственное тягло назвалъ дворянами, упразднивъ всѣ другія именованія. Попадаются документы того времени изъ которыхъ явствуетъ что лица другихъ именованій служилаго сословія боясь строгостей и нововведеній Петровской службы, и пользуясь тѣмъ что именовались боярскими дѣтьми, отрекались отъ дворянскаго званія въ томъ общемъ смыслѣ какой придавалъ ему Петръ.

Что же такое дворянинъ въ смыслѣ какой былъ сообщенъ этому званію преобразователемъ Россіи? То же что и служилый человѣкъ до-Петровскаго времени, обязанный до конца дней своихъ нести государеву службу при всякомъ призывѣ, съ тою лишь разницей что Петръ усилилъ значеніе этой службы. Лицъ дво-

рянскаго званія онъ обязалъ къ службѣ поголовно. Дворянскою службой была по преимуществу военная; изъ трехъ сыновей дворянской семьи только одинъ могъ поступать на гражданскую службу, но также обязательно Дворянинъ отъ колыбели до могилы принадлежалъ государству, и военную службу долженъ былъ начинать непремѣнно съ солдатской: царская гвардія должна была вся состоять изъ дворянъ отъ солдата до генерала. Обязывая дворянъ къ государственной службѣ, законодатель также строго обязывалъ ихъ и учиться. Образованіе, вотъ вторая черта въ опредѣленіи дворянства.

Наконецъ, значеніе дворянина опредѣляется еще одною существенною чертой. Всѣ сословія несутъ повинность предъ государствомъ, и каждое по своему тянетъ свое государственное тягло Крѣпостная зависимость крестьянъ была также своего рода государственною службой. Но дворянинъ несетъ службу начальственную. Онъ царскій слуга облеченный извѣстною властію для исполненія своихъ обязанностей. Царская служба, и начальствующее, въ нѣкоторомъ смыслѣ правительственное положеніе, вотъ дворянство въ томъ смыслѣ какой завѣщала намъ исторія наша и какой подъ этимъ именемъ установленъ мощною рукою Петра. Отсюда всякій, какого бы то ни было происхожденія, человѣкъ достигшій начальственнаго на Царской службѣ положенія пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ достоинство дворянина. По закону Петра, уже первый офицерскій чинъ, какъ сопряженный съ командованіемъ, сообщалъ дворянство Въ послѣдствіи дворянскій цензъ поднимался все выше и выше, и въ наше время лишь чинъ полковника въ военной службѣ и дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ гражданской признается высшимъ на службѣ положеніемъ съ которымъ соединяется по

праву дворянское достоинство. Возвышать далѣе условіе пріобрѣтенія дворянства значило бы приближать Русское дворянство къ несвойственному ему типу касты, de facto закрывать его, а это не усилить, это ослабить дворянство, это оторветъ его отъ народа, лишить его исторической почвы и извратитъ его русскій характеръ. Это уронило бы съ одной стороны значеніе государственной службы, а съ другой, создало бы антидворянство въ классѣ людей служащихъ государству на болѣе или менѣе начальственныхъ постахъ помимо дворянства. Замкнутость дворянства, нынѣ открытаго для всякаго образованнаго человѣка путемъ государственныхъ отличій, отняло бы у него будущность и сдѣлало бы его непригоднымъ къ новой высокой службѣ среди новыхъ условій. Не замыкать дворянство требуется, а развѣ вѣрнѣе и сообразнѣе съ современными условіями опредѣлить самую службу государству.

Между дворянствомъ и всѣми другими сословіями Русскаго народа нѣтъ элементовъ розни. Дворянство въ настоящее время не имѣетъ никакихъ своихъ эгоистическихъ интересовъ. Въ томъ и состоитъ его благородство и его честь, тѣмъ и оправдывается его возвышенное положеніе, что оно, какъ сословіе, видитъ свой интересъ въ общихъ интересахъ государства. Съ отмѣной крѣпостнаго права дворянское сословіе не обладаетъ никакимъ стѣснительнымъ для другихъ сословій правомъ. За нимъ остается только преимущество чести стоять на стражѣ того что для всѣхъ равно важно и дорого. Благодаря своему первенствующему положенію, государственному духу своей организаціи, дворянство, одушевленное изъ рода въ родъ передаваемою честью и пополняемое новыми силами изъ народа, служитъ живымъ посредствующимъ звеномъ между государствомъ и обществомъ, и по преимуществу при-

звано къ Царской службѣ въ земскомъ дѣлѣ. Созданное служеніемъ государству, будучи живымъ преданіемъ его исторіи, въ которой записаны всѣ его имена, Русское дворянство учрежденное жалованною грамотой императрицы Екатерины и освобожденное отъ крѣпостнаго права Александромъ II, представляетъ собою всю полноту гражданскихъ правъ и болѣе всѣхъ заинтересовано въ огражденіи ихъ отъ произвола и беззаконія. Все дорогое для государства и все дорогое для общества въ дворянствѣ сливается во едино. Только дворянская организація способна, въ лицѣ своихъ предводителей, нести безмездную службу на пользу общую. Не изъ помѣстнаго ли дворянства вышли и тѣ достославной памяти дѣятели, которые были самоотверженными двигателями крестьянской реформы, сопряженной съ немалыми для дворянства матеріальными ущербами? Въ дворянской организаціи по преимуществу слѣдуетъ искать элементы для благоустройства мѣстнаго, то-есть повсемѣстнаго управленія въ Русскомъ царствѣ...

Вотъ въ настоящее время голосъ, мы полагаемъ, всякаго русскаго дворянина:

Въ этотъ день государственныхъ воспоминаній, озирая столѣтіе пережитое государствомъ, дворянство по истинѣ можетъ сказать предъ Престоломъ и Отечествомъ что преимущества дарованныя дворянству грамотой 1785 года оправданы службой которую, въ силу этихъ преимуществъ, несло дворянство какъ священную предъ государствомъ обязанность. Всеизмѣняющее время коснулось и формы отношеній Россійскаго дворянства къ государственному строю; но неизмѣнно живъ остается государственный духъ земли Русской, а съ нимъ и неразрывная связь вѣрности между Русскимъ Самодержцемъ и высшимъ сословіемъ народа. Нѣкоторыя частности государственнаго акта 1785 года отжили

свое время, но державная рука Строителя земли Русской обладаетъ силою восполнить отжившее въ духѣ закона, котораго столѣтняя годовщина теперь празднуется. Да пребудетъ Русское дворянство, какъ и въ прошлыя времена, живымъ звеномъ между Царемъ и народомъ, часть котораго оно составляетъ! *).

*) 1885 г. № 108.